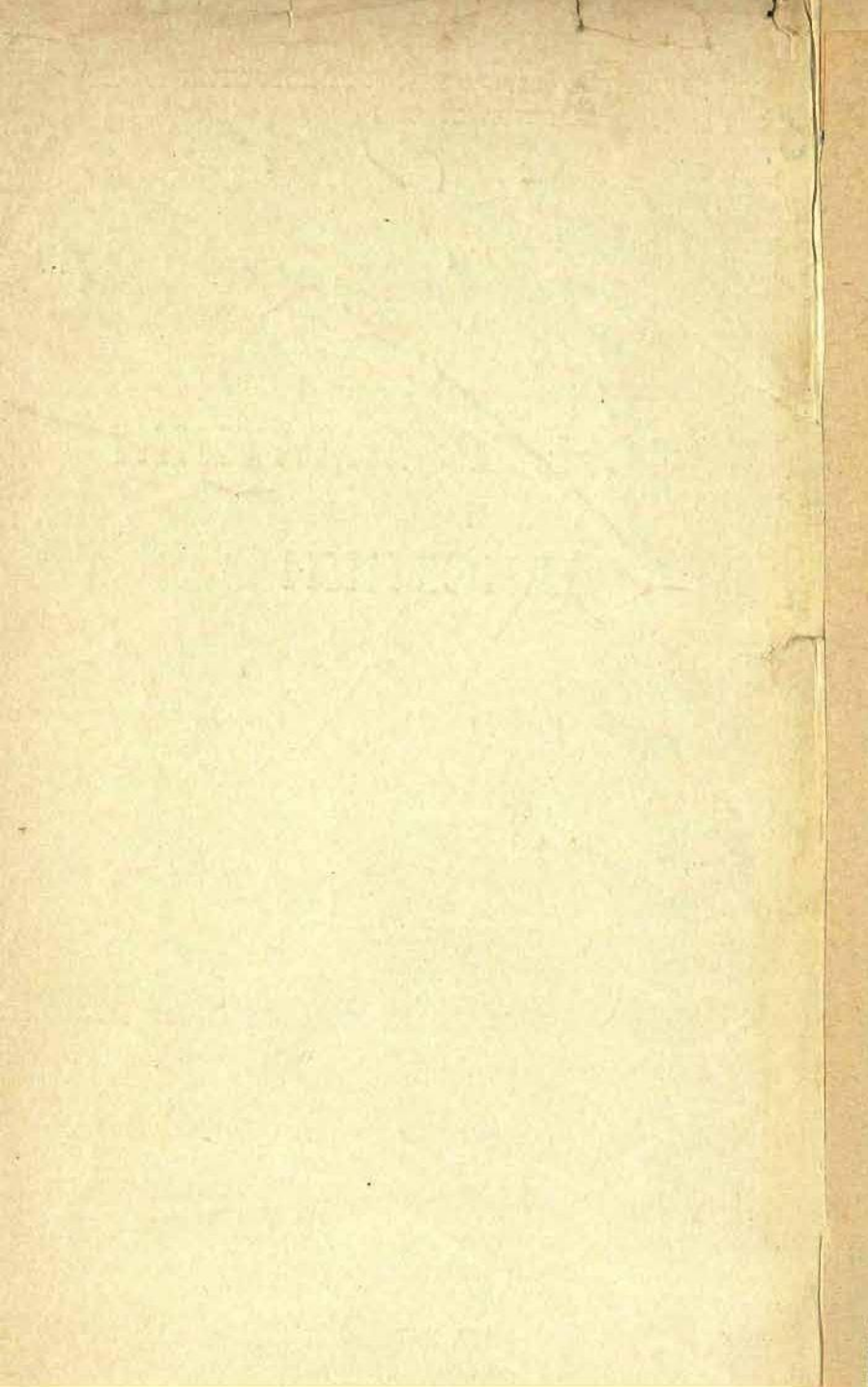

3
83
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. ПЕТРА СТУЧКИ

**ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ
И
СТИЛИСТИКИ**

РИГА 1967

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. ПЕТРА СТУЧКИ

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ И СТИЛИСТИКИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТОМ 83

ТРУДЫ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗВАИГЗНЕ»
РИГА 1967

1

Ответственный редактор
кандидат филологических наук,
доцент Н. А. ДОНЕЦ

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, ст. преп. З. А. ТОЛМАЧЕВА,
преподаватель Я. Я. КУШКИС,
преподаватель Н. А. ЛАТЫШЕВА

Редактор В. Авдонина. Техн. редактор В. Микельсон. Корректор З. Дарзниеце. Сдано в набор 15 июня 1966 г. Подписано к печати 10 декабря 1966 г. Формат бумаги 60×90^{1/16}. 6,5 физ. печ. л.; 6,5 усл. печ. л.; 5,94 уч. изд. л. Тираж 520 экз. ЯТ 27681. Цена 16 коп. Издательство «Звайгзне», г. Рига, бульвар Падомью, 24. Изд. зак. № 130—105/65. Отпечатано в типографии № 6 Управления полиграфической промышленности Комитета по печати при Совете Министров Латвийской ССР, г. Рига, ул. Горького, 6. Заказ № 1013.

К ВОПРОСУ ОБ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ И ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Переходные явления языка привлекают все более пристальное внимание исследователей, так как наблюдение над смежными областями позволяет вскрыть наиболее общие закономерности структуры языка. Одной из таких областей, находящихся на границе морфологии и синтаксиса, являются аналитические конструкции.

Авторы не ставили своей задачей полностью решить сложную проблему определения степени аналитизма грамматического строя русского языка. Здесь сделаны отдельные замечания к работам последних лет, в той или иной степени касающимся вопроса о специфике аналитических конструкций, их образовании и функционировании, и в связи с этим изложены некоторые наблюдения над грамматическими явлениями русского языка.

К области грамматики относятся такие единицы языка, как морфема, слово, словосочетание и предложение, и средства, которые используются для дифференциации этих единиц (фонематические, ритмико-интонационные, закономерности сочетаемости грамматических единиц, порядок их расположения — аранжировка морфем, порядок слов и пр.).

Языковые единицы различаются по двум признакам: а) характеру выражаемых ими значений и б) функции.

С точки зрения явления аналитизма наиболее близкими единицами оказываются слово и словосочетание.

Одним из аспектов сложной общей проблемы слова является вопрос различения слова и словосочетания, наиболее близких, смежных единиц языка, устанавливаемых на морфологическом и синтаксическом уровнях.

Близость этих единиц обнаруживается при анализе их функций. В определение понятия слова, предлагаемое лингвистами разных школ и направлений, включаются признаки семантические (смысловая цельность и самостоятельность,

вытекающая из прямого назначения слова — быть номинативной единицей), а также формальные — фонетические (ударение, «пограничные сигналы» начала и конца слова)¹ и грамматические (грамматические значения и способы выражения этих значений). Но ведущим дифференцирующим признаком остается признак функциональный — способность слова называть предметы и явления действительности.

Словосочетание, являясь составным целым, синтагмой, и конструируясь по законам определенного языка в составе предложения, функционально сближается со словом: как и слово, оно — номинативная единица. Отличие словосочетания от слова лишь в степени обобщения при номинации: если «всякое слово уже обобщает» (В. И. Ленин), то словосочетание — первая ступень на пути конкретизации значения слова².

Итак, словосочетание имеет общую номинативную функцию со словом.

С точки зрения формальной словосочетанию свойственны синтаксическая и морфологическая особенности. Первая, синтаксическая, — раздельнооформленность. Можно согласиться с проф. В. П. Сухотиным, который определяет эту особенность словосочетания, отличительную черту его, как отношение. Поскольку отношения между предметами и явлениями, находящие свое выражение в словосочетаниях, неисчислимы, то практически неисчислимы и словосочетания (нельзя создать словарь словосочетаний)³.

Морфологическая особенность словосочетания заключается в том, что словосочетание, как и слово, обладает системой форм, например

сторонник мира
сторонника мира
стороннику мира и пр.⁴

В. В. Виноградов считает формой словосочетания форму ведущего слова. Согласно мнению В. П. Сухотина, форма ведущего слова — внешняя, зависящая от окружения словосочетания; внутренней же, специфической формой словосочетания В. П. Сухотин считает форму зависимого слова. Ср.: Нет сторонника мира, где форма сторонника вызвана словом нет, не включаемым в словосочетание сторон-

¹ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 299—325.

² В. В. Виноградов. Введение к «Грамматике русского языка АН СССР». Т. II, ч. I. М., 1954, стр. 11.

³ В. П. Сухотин. Выступление на конференции, посвященной проблемам фразеологии, в МГПИ им. Н. К. Крупской в сентябре 1964 г.

⁴ В. В. Виноградов. Указ. Введение к «Грамматике», стр. 11.

ника мира, в то время как форма мира определена структурой данного словосочетания. Но независимо от того, примем ли мы концепцию В. В. Виноградова или В. П. Сухо-тина, основное положение — словосочетание имеет форму — остается в силе.

Формальная характеристика словосочетания — синтаксическая и морфологическая — ставит словосочетание в положение единицы морфолого-синтаксической.

Такой спецификой словосочетания и объясняется то, что развитие его может идти в двух направлениях:

а) по пути лексикализации, превращения словосочетания во фразеологический оборот, семантически равнозначный слову, и б) в направлении постепенного семантического обеднения одного из компонентов, превращения словосочетания в аналитическую конструкцию и затем в аналитическую форму слова, т. е. по пути грамматизации⁵.

Грамматизация словосочетания означает, что данная конструкция (модель словосочетания) функционирует как одно целое в грамматической системе языка и лишь в соединении компоненты конструкции имеют данное установившееся в языке значение. При этом вспомогательная часть конструкции в случае грамматизации начинает играть роль аффиксального грамматического элемента синтетической формы, т. е. роль служебной морфемы, целиком не превращаясь в морфему (ср. буду читать, где буду — глагол, а не морфема).

Степень спаянности компонентов грамматирующегося сочетания может изменяться в ходе исторического развития языка. В аналитическом формообразовании всегда можно найти переходные случаи, в которых отмечаются различные ступени грамматизации словосочетания.

Вообще следует заметить (о чем пишет и В. Г. Адмони в своей последней работе «Основы теории грамматики»), что «при разграничении грамматических единиц и других языковых единиц мы сталкиваемся с одной чертой, вообще присущей языковым явлениям, а именно — с невозможностью полностью, безостаточно разграничить соседствующие категории и целые области явлений»⁶. Отсюда естественным кажется наличие целого ряда переходных случаев, которые суммируют черты сходства в различном.

Это замечание в равной степени может относиться как к различению слова и словосочетания (промежуточные явления — аналитические конструкции, аналитические формы, фразеологизмы), так и (в пределах словосочетания) к пере-

⁵ В. М. Жирмунский. О границах слова. Сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М., 1963, стр. 24.

⁶ В. Г. Адмони. Основы теории грамматики. М., 1964, стр. 9.

ходным единицам от свободного сочетания к аналитической форме.

Такие переходные единицы в отличие от сформировавшихся грамматических аналитических форм целесообразно называть аналитическими конструкциями и противопоставить их в известном смысле аналитическим формам; различие в терминологии отражало бы различие в степени аналитизма⁷.

В этой связи представляет интерес статья П. Я. Скорик «Об аналитических конструкциях» («Вопросы языкознания», 1964, № 3), в которой автор предлагает называть составную языковую единицу грамматического характера аналитическим комплексом. Основываясь на данных чукотско-камчатских языков, П. Скорик отвергает термин «аналитическая форма слова», мотивируя свой взгляд тем, что «сочетание слов не может быть формой слова, так как одним из определяющих признаков слова является его оформленность»⁸.

Рассуждение это не представляется убедительным, так как неясно, что понимать под «оформленностью» — цельюоформленность (синтетичность) или включать сюда и оформленность посредством служебных слов. В конце концов автор статьи определяет аналитическую форму как «чисто условное название частного случая из более обширного круга аналитических конструкций с лексически неравноценными элементами»⁹, т. е. все-таки признает за аналитической формой слова право на особое положение среди аналитических конструкций.

Как уже говорилось, в общетеоретическом плане, нам представляется, этот вопрос должен быть решен следующим образом: в языках есть словосочетание и слово. Полностью грамматизированное словосочетание — аналитическая форма. Между свободным словосочетанием и аналитической формой стоит аналитическая конструкция (или аналитический комплекс), в которой первый компонент призван выражать грамматические значения (лексическое значение в нем либо обеднено, либо слишком обобщено), второй несет на себе основное лексическое значение всей конструкции.

Аналитическая конструкция только тогда становится ана-

⁷ М. М. Гухман употребляет эти термины как синонимы, понимая под аналитической конструкцией и аналитическую форму слова. См.: М. М. Гухман. Критерии выделения глагольных аналитических конструкций из других типов словосочетаний. Сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», стр. 199—202.

⁸ П. Я. Скорик. Об аналитических конструкциях. «Вопросы языкознания», 1964, № 3, стр. 77.

⁹ Там же.

литической формой, когда она войдет в определенную парадигму словоизменения.

Здесь уместно сделать одно общетеоретическое замечание. До публикации последних работ, посвященных аналитическим конструкциям, представлялось, что можно и нужно возражать М. М. Гухман и А. И. Смирницкому по двум вопросам: 1) что такое аналитическая форма и аналитическая конструкция, в каком отношении находятся эти два понятия (синонимичны они или относятся друг к другу как частное и общее)¹⁰, 2) правомерно ли утверждение, что аналитическая форма может быть лишь тогда констатирована, когда в парадигме наличествуют и синтетические формы. Ср.: «Условием функционирования свободных словосочетаний в качестве аналитических форм является вхождение этих сочетаний в какую-либо грамматическую категорию, известную у данных слов и представленную, хотя бы в одной из ее категориальных форм, простыми, синтетическими формами»¹¹.

Но в последнее время два автора выступили против такого установившегося взгляда: В. Н. Ярцева¹² (более осторожно), а затем П. Я. Скорик¹³ (прямо и недвусмысленно) заявили, что аналитическая форма может входить в парадигму, полностью построенную из аналитических конструкций. Авторы данной статьи разделяют этот взгляд.

* * *

Исследуем некоторые факты современного русского языка, основываясь на теоретических положениях:

1) словосочетание может развиваться в аналитическую форму,

2) между аналитической формой и словосочетанием возможно переходное явление — аналитическая конструкция (аналитический комплекс),

3) грамматическая парадигма может быть основана на смешении синтетических и аналитических форм или только на синтетических формах.

Признано, что современный русский язык — язык преимущественно синтетического формообразования. Согласно

¹⁰ М. М. Гухман. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова (на материале немецкого языка). Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.

¹¹ А. И. Смирницкий. Аналитические формы. «Вопросы языкознания», 1956, № 2, стр. 45—46.

¹² В. Н. Ярцева. Об аналитических формах слова. Сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», стр. 56—57.

¹³ П. Я. Скорик. Указ. статья, стр. 77.

утвердившемуся мнению, отраженному в учебных пособиях для вузов, признанными аналитическими формами считаются лишь личные формы будущего времени глаголов несовершенного вида (буду читать), сослагательного (читал бы) и повелительного наклонений (да здравствует, пусть здравствует); в сфере имени это формы сравнительной и превосходной степени качественных прилагательных (более сильный, самый сильный). Если к этому прибавить парадигму времени и парадигму наклонения слов категории состояния (холодно — было холодно — будет холодно; было холодно, было бы холодно), то описание аналитических форм в учебниках русского языка будет почти исчерпано.

Но в действительности в современном русском языке, по видимому, более, чем принято считать, развиты элементы аналитизма. Не случайно ведущие исследователи русского языка эпизодически отмечают отдельные проявления аналитизма.

Система форм имени в современном русском языке в основном представлена синтетическими формами. Можно, однако, рассматривать предложно-падежные формы имен как факты морфологии, а не синтаксиса (в незавершенном их развитии), точнее — как переходные от синтаксических к морфологическим единицам. При отсутствии флективного словоизменения или различия между отдельными формами, например, в именительном и винительном падежах имен существительных мужского и среднего рода, вне словесного окружения, предлог — единственный формальный выразитель грамматического значения падежа (ср. стол — на стол, окно — в окно). Особенно ощутима такая роль предлогов при употреблении их с так называемыми «несклоняемыми» именами существительными (ср. шоссе, с шоссе, по шоссе, на шоссе и пр.), где предлоги указывают на косвенные падежи и уточняют их значение. По внешнему своему облику такие формы приближаются к отдельной синтетической словоформе: объединение предлогов с именами получает фонетическое выражение (редукция гласных в предлогах в слабой позиции при общем с именем ударении, сохранение звучности или оглушение конечного согласного в предлоге, например, под окно, под пол, в звучании — «пъдакнó» «патпóл»). Небезынтересно здесь напомнить замечания В. В. Виноградова об обеднении лексического значения предлогов, превращении их в формальные «префиксы» падежей¹⁴.

¹⁴ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 679.

Кроме этих довольно широко представленных в русском языке примеров грамматизации сочетаний можно привести конструкции типа талантливейший из людей, в которых из — предлог для имени и послелог для суперлятивного значения превосходной степени прилагательного, то есть формальный выразитель грамматического значения¹⁵.

А. А. Шахматов, а затем и В. В. Виноградов отмечают грамматизацию сочетаний типа хороший человек, умная женщина, нужная вещь, добрый малый, употребляющихся в речи в функции сказуемого: «Существительные, лишаясь конкретно-предметной знаменательности, иногда становятся чисто формальными словами, частями составных аналитических форм»¹⁶, носителями общего значения субстанции со всеми присущими ей грамматическими категориями.

Однако среди изменяемых знаменательных частей речи по степени аналитичности на первом месте стоит глагол.

Это объясняется, прежде всего, разнообразием глагольных сочетаний: действительно, глагол сочетается со всеми знаменательными частями речи, а с такой частью речи, как существительное, создает чрезвычайное разнообразие структурных типов словосочетаний. Поэтому не исключено, что в процессе грамматизации отдельные виды сочетаний могут превратиться в аналитические формы (ср. замечание В. Н. Ярцевой об этом процессе в английском языке¹⁷) и даже, развиваясь далее, — в синтетические формы: так в русском языке возникли залоговые формы с суффиксом -ся (бывшая энклитическая форма винительного падежа возвратного местоимения), формы полных прилагательных и причастий.

Такое превращение, по-видимому, — лишь частный случай общего процесса, который имеет место и при лексикализации словосочетаний, и при грамматизации: создается известное противоречие между формой (раздельность, синтагматичность) и семантической цельностью, сближающей словосочетание со словом. Отсюда возникает стремление приблизить сочетание не только по значению, но и по форме, по морфологическому облику, к отдельному слову (ср., например, наречия, образованные лексико-синтаксическим способом из лексикализованных сочетаний, или уже отмеченные

¹⁵ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 255.

¹⁶ Там же, стр. 324.

¹⁷ В. Н. Ярцева. Об аналитических формах слова. Сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», стр. 55.

залоговые формы глаголов и падежные формы полных прилагательных и причастий)¹⁸.

В современном русском языке по степени грамматизации можно выделить три типа глагольных словосочетаний: а) свободные, неграмматизованные, б) в высшей степени грамматизованные, в которых вспомогательный компонент в составе конструкции полностью лишен лексического значения, в) группа сочетаний, в которых вспомогательный компонент лексически частично нейтрализован и сохраняет еще оттенок того значения, которое ему свойственно при свободном употреблении.

К первому типу должны быть отнесены свободные сочетания глаголов с именами, местоимениями, наречиями и глаголами.

Вторую группу представляют, прежде всего, уже упоминавшиеся формы будущего времени глаголов несовершенного вида и формы сослагательного наклонения. Кроме них сюда можно отнести страдательные конструкции типа был доставлен, будет доставлен, был бы доставлен, представляющие собою особое «аналитическое спряжение»¹⁹, а также сочетания глаголов в прошедшем времени или сослагательном наклонении с личными местоимениями как спряжение по лицам (я знал, ты знал..., я знал бы, ты знал бы..., мы знали, вы знали... и пр.), где личные местоимения выступают в качестве формальных показателей лица, «личных префиксов»²⁰.

К третьей группе относятся переходные от свободных к полностью грамматизованным сочетаниям. Они обнаруживаются в сфере глагола в конструкциях «вспомогательный глагол плюс субъектный инфинитив основного глагола», употребляющихся в речи в функции составного глагольного сказуемого. Обычно вспомогательные глаголы замкнуты здесь кругом наиболее общих значений начала, конца, продолжения действия или модальных. Экспериментальная статистическая проверка показала, что в языке художественной литературы наиболее употребительными являются конструкции с глаголами *стать, начать, мочь, хотеть, прийти*сь,

¹⁸ Этот процесс отмечается и в тюркских языках. См.: Н. А. Баскаков, Аналитические и синтетические грамматические формы — степени морфологического развития слова (на материале тюркских языков). Сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов». Тезисы докладов на расширенном заседании Ученого совета Института языковедения АН СССР. Л., 1963.

¹⁹ А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Ч. 1. М., 1958, стр. 281.

²⁰ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 317, 322.

реже встречаются конструкции с глаголами *приняться, успеть, помочь, думать, попробовать, дать, заставить, просить, решить, постараться* и некоторыми другими²¹.

Анализ конструкций с точки зрения их эквивалентности аналитической форме приемом субституции показал, что в форме будущего времени свободно трансформируются сочетания «стану плюс инфинитив» как путем замены вспомогательного глагола глаголом *буду*, так и путем замещения аналитической конструкции коррелятивной синтетической формой глагола совершенного вида (ср.: *Что станешь делать? Что будешь делать? Что сделаешь?*).

Другие конструкции, например с глаголами *начать, кончить* и некоторыми другими, трансформируются лишь путем замены глаголом с той же основой, например *начали тянуть* — *потянули*, при этом приставка вносит и лексическое значение устранившегося глагола (начало действия) и его грамматическое значение совершенного вида.

В качестве трансформации конструкций со вспомогательным глаголом модальных оттенков значения, например *мочь*, в некоторых речевых ситуациях выступает форма повелительного наклонения (грамматической модальности) основного глагола (ср. *можешь идти* — *иди*), что доказывает лексическую значимость (модальный оттенок значения) вспомогательного глагола, следовательно, его неполную формализацию.

Трансформации конструкций с другими вспомогательными глаголами путем субституции не дают синонимических эквивалентов.

Все сказанное позволяет заключить, что глагольные конструкции с глаголом *стать*, по-видимому, в значительной степени грамматизованы и представляют собой вариант формы «сложного будущего» в русском языке. Меньшую степень грамматизации представляют сочетания с глаголами *начать, кончить, мочь*, иллюстрирующие развитие аналитизма в русском языке в незавершенном виде.

В. В. Виноградов, Грамматика русского языка АН СССР, А. Н. Гвоздев, К. В. Горшкова и другие авторы и пособия исключают конструкцию «стану плюс инфинитив» из возможных форм будущего времени на основании лексической эквивалентности глаголов *стану* и *начну* (оба глагола имеют начинательное значение, т. е. лексически не обеднены

²¹ Экспериментально обследовались тексты В. Тендрякова и К. Сиимова.

в равной мере)²². Кроме этого, как аргумент приводится форма прошедшего времени стал говорить, аналогичная начал говорить, в которой раздельность и относительная самостоятельность компонентов гораздо заметнее²³.

Описанный выше эксперимент позволяет считать, что лексическое значение в глаголе стану гораздо более ослаблено в будущем времени, где стану говорить, например, ближе к буду говорить, чем к начну говорить. Прошедшее же время стал говорить не равно по значению говорил, скорее оно может быть передано конструкцией начал говорить и заговорил. Не исключена возможность, что такое расщепление ряда стану говорить — стал говорить происходит под воздействием всей системы форм глагола в русском языке: наличие аналитической формы будущего времени глагола и отсутствие аналитизма в формах прошедшего времени оказывают известное влияние на семантику глагола стану, обедняя его начинательное значение, что в результате делает конструкцию «стану плюс инфинитив» грамматическим синонимом аналитической формы будущего времени глаголов несовершенного вида.

На основании этих частных наблюдений можно предположить, что аналитизм в грамматической системе глагола, а следовательно, и как особенность грамматического строя русского языка вообще — явление развивающееся и представлен шире, чем принято полагать²⁴.

²² См.: В. В. Виноградов. Русский язык; Грамматика русского языка АН СССР. Т. I. М., 1960; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. М., 1957; А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Ч. I.

²³ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 570.

²⁴ К аналогичному выводу приходит Р. Г. Пиотровский путем теоретико-информационных и статистико-вероятностных исследований, ср.: «Исследование русской речи теоретико-информационным и вероятностно-статистическими приемами показывает, что флексии русского слова передают всего 6% всей структурной (не смысловой) информации, заключенной в слове... Во французском языке, который принято считать аналитическим, флективная морфология, как это показали исследования Н. В. Петровой, дает до 15% структурной информации». Р. Г. Пиотровский. К вопросу о методах лингвистического исследования. Сб. «Теоретические проблемы современного советского языкознания». М., 1964, стр. 133.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДНОСТИ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Рассмотрение беспривставочных глаголов с пометой «переходн.»¹ убеждает, что переходные глаголы русского языка обладают различной способностью к сочетаемости с винительным падежом прямого дополнения.

Для значительной части переходных глаголов сочетаемость с винительным падежом является необходимой. Эти глаголы, семантика которых обязательно включает в себя значение направленности на объект, непременно требуют после себя прямого дополнения. Обязательной сочетаемостью с винительным падежом характеризуются, например, такие глаголы, как

будить, вить, давать, иметь, клеймить,
корить, листать, морочить, нянчить, пло-
дить, растить, сурмить и др.

Часть же глаголов с пометой «переходные» обладает свойством образовывать предложение и без прямого дополнения. Ср. правомерность таких конструкций:

«она вяжет», «он читает», «она курит»,
«она рисует», «он танцует» и пр.

при полной невозможности предложений типа

«он вьет», «он плодит», «он растит» и
т. п.

Большинство глаголов этой группы обладает способностью обозначать действие, концентрируя все наше внимание на самом процессе действия. Связь с объектом действия при этом настолько ослабевает, что отпадает необходимость прямого дополнения.

Например: Когда я вошел в комнату, он читал.

Она сидела у стола и шила.

Он говорит уже полчаса и т. п.

¹ Наблюдения над глаголами проводились по «Словарю русского языка», в четырех томах. Изд. АН СССР и Ин-та языкознания. М., 1957—1959.

В некоторых непереходных значениях ряд таких глаголов вообще утрачивает способность к сочетаемости с винительным падежом прямого дополнения (в случае подстановки прямого дополнения меняется смысл высказывания). Такие непереходные значения реализуются, например, в следующих предложениях:

Вы не танцуете?

Он поет на оперной сцене два года.

Ребенок уже говорит.

Он читает с пяти лет и др.

Глаголы, обладающие способностью употребляться как в переходных, так и непереходных значениях, по-разному описываются в лингвистической литературе и в различных толковых словарях русского языка.

Большинство лингвистов упоминает о прямой связи между категорией переходности или непереходности и семантикой глагола, считая, что один и тот же глагол в зависимости от лексического значения может проявлять свойства то переходного, то непереходного глагола. Академик В. В. Виноградов, например, говорит о зыбкости границ между переходными и непереходными глаголами, о возможности совмещения в семантической структуре глагола переходных и непереходных значений:

«Они (переходные и непереходные значения) часто совмещаются в одном слове (например, «говорить»)»².

Профессор П. С. Кузнецов пишет:

«Переходность и непереходность может быть связана с различием лексического значения бесприставочных глаголов. Так, например, глагол «косить» в значении «быть косым» непереходный (например, «он косит глазами», «он немного косит»), тогда как тот же глагол в значении «глядеть вкось» — переходный (например: «Он косит глазами на угол стола...»)»³.

Согласно другой точке зрения употребление переходных глаголов в непереходных значениях — явление контекстуальное: такой глагол во всех значениях сохраняет природу переходного глагола. Этому мнению придерживается, например, профессор И. Г. Голанов:

«Переходные глаголы могут иногда употребляться без прямого дополнения, в более обобщенном значе-

² В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 642.

³ Современный русский язык. Морфология. Под ред. акад. В. В. Виноградова. МГУ, 1952, стр. 338.

нии, не становясь, однако, от этого переходными (как признавали некоторые ученые недавних лет)»⁴.

Нет единообразия в этом отношении при описании ряда таких глаголов и в толковых словарях. Так, у некоторых глаголов (например, «воровать», «рисовать», «танцевать», «ткать») словарь С. И. Ожегова⁵ отмечает только переходные значения, «Словарь современного русского литературного языка» (в семнадцати томах)⁶ рассматривает эти глаголы как совмещающие в себе переходные и переходные значения.

Такие же несовпадения можно отметить при сравнении четырехтомного «Словаря русского языка» (изд. АН СССР) с названным выше «Словарем современного русского литературного языка». Например, в глаголах «зубрить», «прясть» четырехтомный словарь отмечает и переходные и переходные значения, а семнадцатитомный словарь дает эти глаголы только с пометой «переходн.»; и наоборот, в то время как в «Словаре русского языка» глаголы «рисовать» и «печатать» относятся к переходным, «Словарь современного русского литературного языка» приводит переходные и переходные значения этих глаголов.

Нет последовательности при выделении переходных значений в подобных случаях и в пределах одного словаря. Например, четырехтомный «Словарь русского языка» у глаголов «петь», «танцевать», «читать», «шить» среди прочих отмечает и переходное значение «уметь совершать названное действие», а у глаголов «рисовать», «вязать» и др. не отмечает.

* * *

Анализ глаголов, употребляющихся как в переходных, так и переходных значениях, методами дистрибуции и трансформации убеждает, что в некоторых переходных значениях у исследуемых глаголов проявляются свойства, невозможные для глаголов переходных и характерные для переходных глаголов.

Поэтому представляется правильным рассматривать переходность этих глаголов в некоторых значениях не как

⁴ И. Г. Голанов. Морфология современного русского языка. М., 1963.

⁵ Словарь русского языка. Составил С. И. Ожегов. М., 1953.

⁶ Словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР и Ин-та языкознания. М.—Л., 1950—1965.

явление контекстуальное, а как свойство самой семантической структуры этих слов.

1. Если исходить из того, что разграничение лексем можно производить в зависимости от разных дистрибутивных фраз, в которые исследуемые лексемы входят в качестве ядра, то представляется правомерным вывод о возможности различения у ряда глаголов переходных и непереходных значений уже на уровне дистрибутивного анализа.

Так, например, показательной представляется возможность ряда глаголов в непереходных значениях к сочетаемости с наречиями «много» и «мало» и невозможность таких сочетаний для этих глаголов в их переходных значениях.

Например: Я много (мало) говорю.

Я много (мало) курю.

Я много (мало) пишу.

Я много (мало) пью.

Я много (мало) читаю.

В подобных случаях исследуемые глаголы выступают в дистрибутивных фразах, характерных для непереходных глаголов и невозможных для глаголов в переходных значениях.

Ср. возможность сочетаний типа

Я много (мало) хожу.

Я много (мало) сплю.

Я много (мало) гуляю.

Я много (мало) езжу.

Я много (мало) болею и т. д.

и невозможность конструкций типа

Я много (мало) читаю книгу.

Я много (мало) пишу письмо.

Я много (мало) курю сигарету и т. п.

При этом кажется целесообразным в дистрибутивных формулах различать синтаксические и семантические функции падежей⁷. Можно, например, обозначить винительный падеж в синтаксической функции — a^1 ; а в семантической функции — a^2 . В этом случае дистрибутивные формулы фраз «Брат читает книгу» и «Брат читает час» будут отличаться друг от друга:

Брат читает книгу — $N_n^1VN_{a^1}^2$.

Брат читает час — $N_n^1VN_{a^2}^2$.

⁷ См.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

⁸ Ю. Д. Апресян отождествляет на основании дистрибутивных критериев ядро «пишет» во фразах «он пишет час» и «он пишет письмо» (см.: Ю. Д. Апресян. О понятиях и методах структурной лексикологии. В кн.: «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962).

2. Трансформационный анализ показывает, что рассматриваемые нами глаголы не образуют единого трансформационного комплекса в переходных и непереходных значениях. При этом обнаруживается ряд интересных грамматических свойств у этих глаголов в разных значениях.

Так, например, ряд глаголов в переходных и непереходных значениях по-разному трансформируются на вид, на безличность.

Оказалось, например, что некоторые глаголы являются одновидовыми в непереходном значении и двувидовыми — в переходном:

Мальчик уже читает (одновидовой глагол несовершенного вида).

Ср. читать (прочесть) книгу.

Он хорошо поет с детства (одновидовой глагол несовершенного вида).

Ср. петь (спеть) песню.

Вы танцуете? (одновидовой глагол несовершенного вида).

Ср. танцевать (протанцевать) вальс.

Ребенок еще не говорит (одновидовой глагол несовершенного вида).

Ср. говорить (сказать) правду.

Раньше она шила очень хорошо (одновидовой глагол несовершенного вида).

Ср. шить (сшить) платье.

На безличность исследуемые глаголы трансформируются в непереходном значении (как непереходные глаголы), в переходном же значении не трансформируются:

читаю — мне не читается;

пою — мне не поется;

танцую — мне не танцуется;

пишу — мне не пишется;

говорю — мне не говорится;

курю — мне не курится; и т. п.

Ср. возможность подобных образований для непереходных глаголов (мне не спится, мне не сидится, мне не лежится и др.) и невозможность — для глаголов в переходных значениях (мне не читается книгу, мне не пишется письмо, мне не говорится правду и др.).

Эти и подобные им формальные операции подтверждают правильность точки зрения тех лингвистов, которые разграничивают переходные и непереходные значения в семантической структуре ряда глаголов.

ОБ АНАЛИЗЕ СТРУКТУРЫ НАРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В ряду знаменательных частей речи наречие занимает особое положение: на протяжении истории русского языка оно развивается из других частей речи и до настоящего времени сохраняет словообразовательные связи со всеми знаменательными частями речи; с другой стороны, наречие имеет негативную, отрицательную грамматическую характеристику, не обнаруживает форм словоизменения (за исключением степеней сравнения и форм субъективной оценки качественных наречий).

Отрицательная грамматическая характеристика и многообразие морфологических типов и являются причиной того, что наречие вызывает наибольшие затруднения при морфологическом (словообразовательном) анализе. Именно поэтому представляется необходимым, не ставя цели решить во всем объеме вопросы словообразовательного анализа наречий, прокомментировать соответствующие разделы учебных пособий и дать некоторые рекомендации к анализу морфологической структуры наречий.

Анализ слова на морфолого-словообразовательном уровне в современном русском языке производится обычно в трех аспектах: а) определение основы слова и ее характера, б) определение функции и значения морфем, составляющих производную основу, и в) определение способа словообразования и производящей основы данного слова.

В отношении наречия наиболее разработанным является третий план словообразовательного анализа: определение способа словообразования и исходной, образующей формы. Здесь накоплен и изучен в синхронном и диахронном аспектах обширный теоретический и практический материал, который наиболее систематично изложен в крупнейших исследованиях по современному русскому словообразованию и грамматике, а также в вузовских курсах и учебных пособиях.

Но при обзоре вузовской учебной литературы нельзя не обратить внимания на то, что и здесь нет полного единства

взглядов даже на наиболее продуктивные типы наречий. Причина разного освещения одних и тех же фактов заключается, как нам представляется, в смешении двух аспектов словообразовательного анализа: определения состава слова, с одной стороны, и определения способа словообразования (последнее означает применение этимологического анализа даже в тех случаях, когда слово вполне «прозрачно» по своему составу, когда производящая основа продуцируется без особых затруднений).

Приведем некоторые примеры указанных разногласий. Проф. А. Н. Гвоздев считает наречия на **-о**, **-е**, **-и** (хорошо, сине, дружески) образованными от имен прилагательных суффиксальным способом¹, так же решается вопрос в учебнике «Современный русский язык», вышедшем в 1962 г.² Е. М. Галкина-Федорук, К. С. Горшкова, Н. М. Шанский относят эту модель к словам, образованным морфолого-синтаксическим способом³, и лишь отдельными примерами иллюстрируют суффиксальный способ словообразования (например, удивительно)⁴.

Такие же разночтения есть и в описании моделей с приставками и суффиксами. Наречия типа по-летнему, по-орлиному, по-отцовски, по-лисьи проф. А. Н. Гвоздевым отнесены к префиксально-суффиксальному способу образования⁵, у проф. Е. М. Галкиной-Федорук модель по-летнему, по-орлиному рассматривается как пример лексико-синтаксического способа словообразования⁶. В уже упоминавшемся учебнике Н. С. Валгиной, Д. Э. Розенталя, М. И. Фоминой, В. В. Цапукевич относительно наречий типа по-детски, по-заячьи говорится, что они «образуются при помощи суффиксов **-и**, **-ьи**, с предлогом **по**», а наречия вкрутую, добела, по-летнему и др. — «от косвенных падежей прилагательных при помощи разных предлогов, превратившихся в составе наречия в приставки»⁷. Таким образом, если вдуматься в последнее определение, авторы учебника относят такие наречия к лексико-синтаксическому спо-

¹ А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Ч. 1. М., 1958, стр. 376.

² Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цапукевич. Современный русский язык. М., 1962, стр. 248.

³ Е. М. Галкина-Федорук, К. С. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Лексика, фонетика, морфология. М., 1957, стр. 372.

⁴ Там же, стр. 373.

⁵ А. Н. Гвоздев. Указ. работа, стр. 376.

⁶ Е. М. Галкина-Федорук, К. С. Горшкова, Н. М. Шанский. Указ. работа, стр. 374.

⁷ Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цапукевич. Указ. работа, стр. 248—249.

субу образования, в противном случае предлоги, участвующие в образовании наречий, не могли бы превращаться в приставки⁸. В некоторых случаях делаются замечания относительно влияния установившихся словообразовательных моделей на образование новых слов⁹, но они не устраняют трудностей анализа наречий и не могут сгладить противоречия в определении способа образования наречий в разных учебниках. Указанные модели наречий при обучении студентов практике словообразовательного анализа в синхронном плане следует, как нам кажется, относить к словам, образованным синтаксическим (лексико- и морфолого-синтаксическим) способом. Вопрос о роли моделирования и образовании каждого слова может быть решен лишь конкретным историческим исследованием.

Еще более недостаточно и противоречиво освещены вопросы определения морфологического состава некоторых типов наречий и терминологического оформления морфем, представленных в наречии.

Уже само принятое определение основы (основа — часть слова без окончания и формообразующего суффикса)¹⁰ в приложении к наречию ставит нас перед проблемой возможности членения данного типа слов и специфики морфем. Вероятно, поэтому в практике словообразовательного анализа в вузе (и тем более в средней школе) наречие, как правило, не используется как материал для работы над понятиями «основа слова», «состав слова» или анализируется неправильно: наряду с прочими аффиксами (приставками) в наречии иногда выделяется даже «окончание» по аналогии с исходными омоформами имен существительных и прилагательных.

В нормативных грамматиках и учебниках для вузов в настоящее время выработан более или менее единый взгляд на некоторые морфемы, входящие в состав наречия. Кроме уже упоминавшихся суффиксов **-о**, **-е**, **-и**, **-ьи**, а также **-ому**, **-ему**, возникших из родовых и падежных окончаний имен прилагательных¹¹, отмечаются в некоторых случаях непродуктивные

⁸ Аналогично освещается вопрос в Грамматике русского языка АН СССР. Т. I. М., 1960, стр. 614 и след.

⁹ Е. М. Галкина-Федорук, К. С. Горшкова, Н. М. Шанский. Указ. работа, стр. 375.

¹⁰ Грамматика русского языка АН СССР. Т. I. М., 1960, стр. 17.

¹¹ С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков. Учебник русского языка. Ч. I. М., 1961, стр. 243 и след.

Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цапкевич. Указ. работа, стр. 244.

В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 343 и след.

Е. М. Галкина-Федорук, К. С. Горшкова, Н. М. Шанский. Указ. работа, стр. 370.

суффиксы **-мя** (ливмя, стоймя) и **-жды** (однажды, дважды)¹². В сущности, названными морфемами и суффиксами субъективной оценки **-оват-** (рано — рановато), **-еньк-**, **-оньк-** (давно — давненько, скоро — скоренько), **-енечк-**, **-онечк-** (хорошо — хорошенечко, легко — легонечко)¹³, **-охоньк-** (легохонько), **-ешеньк-** (белешенько), **-к-** (немножко), **-ечк-** (немножечко)¹⁴ исчерпывается описание суффиксов наречий.

Относительно приставок в наречиях существует более определенное мнение; его высказал В. В. Виноградов, отмечая, что в случаях лексикализации предложных форм имени и превращения их в наречия «развивается своеобразный тип префиксов-приставок, выступающих в роли словообразовательных форм наречия»¹⁵. Несмотря на это, учебные пособия в перечне наречных приставок безоговорочно называют лишь префикс **по-** в наречиях типа **по-волчьи**, **по-прежнему**, **поттише**¹⁶, и только нормативная школьная грамматика добавила к этому приставки **с-**, **из-**, **до-**¹⁷. Таким образом, казалось бы, признано возможным выделять в составе наречия хотя бы названные выше суффиксы и приставки. Но наряду с этим существует иная точка зрения, согласно которой морфологический состав всех наречий, возникших путем адвербиализации падежных форм, затемнен, в связи с чем выделять морфемы в наречии можно лишь этимологически¹⁸. С подобным выводом едва ли можно согласиться.

Разумеется, процесс опрощения проявляется и в наречиях, если речь идет о таких словах, которые не имеют в современном языке соответствующих исходных форм (ср. **вдребезги**, **исподволь**, **начеку**, **навзничь**, **около**, **оптом** и др.) или являются изолированными, архаичными формами, не представленными ни в одной из парадигм словоизменения (**сквозь**, **домой**, **долой** и некоторые другие). Иногда опрощение осуществляется вследствие семантических сдвигов одновременно с фонетическими изменениями (**вчера**) или без них (**вдруг**, **кстати**). Однако чаще наречия имеют отчетливо выраженные словообразовательные

¹² А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Ч. 1. М., 1958, стр. 376.

¹³ Там же, стр. 380.

¹⁴ Грамматика русского языка АН СССР. Т. I. М., 1960. стр. 607—608.

¹⁵ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 359.

¹⁶ Е. М. Галкина-Федорук, К. С. Горшкова, Н. М. Шанский. Указ. работа, стр. 370; А. Н. Гвоздев. Указ. работа, стр. 376; С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков. Указ. учебник, стр. 243, 248.

¹⁷ С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков. Указ. учебник, стр. 247.

¹⁸ А. Н. Гвоздев. Указ. работа, стр. 379.

связи с активно функционирующими именами существительными, прилагательными, глаголами, так как сохраняют в своей семантике оттенок значения, заложенный в основе производящей, исходной формы, и должны, следовательно, подвергаться словообразовательному анализу по общим правилам.

В практике словообразовательного анализа применяются два способа выделения морфем в слове: формализованный, предложенный лингвистами школы Ф. Ф. Fortunatova, заключающийся в сопоставлении рассматриваемого слова с другими словами, содержащими, с одной стороны, ту же «основную принадлежность» (непроизводную основу, корень), с другой — те же «формальные принадлежности» (приставки, суффиксы, окончания). Схематически этот прием анализа представляется так:

$$\begin{array}{ccc} \text{Аа} \rightarrow \text{Ва} \rightarrow \text{Са} \\ \downarrow \quad \downarrow \quad \downarrow \\ \text{Ав} \rightarrow \text{Вв} \rightarrow \text{Св} \\ \downarrow \quad \downarrow \quad \downarrow \\ \text{Ас} \rightarrow \text{Вс} \rightarrow \text{Сс}, \end{array}$$

где «А», «В», «С» — «основные принадлежности» слова, а «а», «в», «с» — «формальные принадлежности»¹⁹. Ср.:

	СТОЛ-ик	→	ДОМ-ик	→	САД-ик
	↓		↓		↓
	СТОЛ-ов-ый	→	ДОМ-ов-ый	→	САД-ов-ый
	↓		↓		↓
	СТОЛ-ищ-е	→	ДОМ-ищ-е	→	САД-ищ-е
или	стол-ИК	→	стол-ОВ-ый	→	стол-ИЩ-е
	↓		↓		↓
	дом-ИК	→	дом-ОВ-ый	→	дом-ИЩ-е
	↓		↓		↓
	сад-ИК	→	сад-ОВ-ый	→	сад-ИЩ-е.

Применяя этот способ, мы выделяем морфемы, не решая вопроса о словопроизводстве, не устанавливая производящую основу (слово) и способ словообразования.

Второй прием находим у Г. О. Винокура. Он заключается в том, что в производном слове морфемы выделяются последовательно, в зависимости от порядка присоединения их к производящей основе. Анализ слова и его структура могут быть представлены следующей схемой:

$$\begin{array}{l} (\text{А—в}) — \text{с} \\ (\text{ЧИТ—а}) — \text{тель}. \end{array}$$

¹⁹ В. Поржезинский. Введение в языковедение. М., 1916, стр. 141.

Чем сложнее состав слова, тем сложнее формула его анализа:

$$\begin{aligned} &< \{ \{ (с — берег) — а \} - тель \} - ск > ий \\ &< \{ \{ (в — А) — с \} - d \} - e > - f^{20}. \end{aligned}$$

Результатом такого анализа является восстановленная словообразовательная цепь, последовательность словообразовательных ступеней (ср. полковничий < полковник < < полковой < полк). На каждом этапе здесь выделяется словообразующая морфема.

Этот способ словообразовательного анализа целесообразно применять, как нам кажется, преимущественно при анализе слов, образованных морфологическим путем. А так как большая часть наречий создается, главным образом, синтаксическим (лексико- и морфолого-синтаксическим) способом, сущность которого не в последовательном присоединении словообразующих морфем, то, очевидно, этот прием для анализа наречий использовать не следует.

Можно ли анализировать структуру наречий первым из названных приемов? Можно ли вообще расчленять наречия, выделять в них морфемы, как называть эти морфемы?

Морфологическая членимость слова допустима, если в языке существуют другие слова, которые структурно соотносятся с анализируемым словом хотя бы по одному из элементов, входящих в их состав. Если модель строения слова типична и для других слов, а морфемы, составляющие структуру данного слова, могут входить в той или иной комбинации и в другие слова, то не может быть сомнения в возможности выделения этих морфем — так решается вопрос традиционной грамматикой²¹.

Непременным условием членимости всякого слова является семантическое (в широком смысле) и материальное тождество морфем в словах, привлекаемых для сопоставления в вертикальном и горизонтальном рядах (Аа—Ва—Са, с одной стороны, Аа—Ав—Ас, с другой). При этом, чтобы доказать возможность деления слова, не обязательно брать для анализа 9 слов (как у В. Поржезинского), достаточно привести для сравнения хотя бы по одному слову в вертикальном и

²⁰ Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. В кн.: «Избранные работы по русскому языку». М., 1959, стр. 440.

²¹ См., например: А. И. Смирницкий. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа слов. Сб.: «Доклады и сообщения филолог. ф-та МГУ», вып. V, 1948, стр. 24—25.

Ср. сходные принципы формального и смыслового квадрата дескриптивной лингвистики. См.: I. Greenberg. Essays in linguistics. New York, 1957, p. 20—22.

горизонтальном ряду, но непременно соблюдать правило повторяемости морфем:

вод-ян-ой — смол-ян-ой
вод-а — смол-а.

Здесь основы **вод-** и **смол-** выделяются потому, что **вод-** в вода и водяной, **смол-** в смола и смоляной несут на себе одинаковую смысловую нагрузку, а повторяющийся суффикс **-ян-** характеризует соответствующие слова как прилагательные, «выражающие отношение к предмету, обозначенному в основе имени существительного».

Таким же путем можно доказать членимость наречия:

в-брод — в-верх — в-миг
брод — верх — миг.

Наречия семантически повторяют оттенок значения, заложенный в основе производящих имен существительных (ср. **вброд** — «бредя, двигаясь по дну реки, озера и т. д. в неглубоком месте» (Сл. рус. яз., I, 172)²², **брод** — «мелкое место во всю ширину реки, озера, пруда, через которое можно переходить, переезжать» (Сл. рус. яз., I, 139); **вверх** — «по направлению кверху, ввысь; по направлению к истоку, верховью реки» (Сл. рус. яз., I, 174), **верх** — «самая высокая часть чего-нибудь, верхняя часть, окончательность чего-нибудь; верхнее течение реки» (Сл. рус. яз., I, 191—192); **вмиг** — «в один миг, мгновенно» (Сл. рус. яз., I, 195), **миг** — «очень короткий промежуток времени, мгновенье, момент» (Сл. рус. яз., II, 363).

Выделяются морфемы и в других наречиях:

по-истин-е — по-середин-е — по-неволе
истин-а — середин-а — невол-я (невол'а)

по-сух-у — по-ровн-у
сух-о — ровн-о (равн-о)

порядк-ом — проезд-ом
порядок — проезд

с-начал-а — с-плеча
начал-о — плеч-о.

Ср. также **с-начал-а**
в-начал-е.

По общему правилу, морфемы, находящиеся перед корнем (непроизводной основой), мы без всякого ограничения называли бы приставками, здесь — наречными (**в** лево, **до**

²² Словарь русского языка в четырех томах. АН СССР. М., 1957—1961.

бела, замертво, иссиня, кверху, насухо, подолгу, справа и др.), после корня — суффиксами. Помимо отмеченных в учебных пособиях наречных суффиксов **-о, -е, -и, -ьи, -ому, -ему** и упомянутых выше уменьшительно-ласкательных следует назвать суффиксы **-ую** (вкрутую, вслепую), **-а** (добела, докрасна), **-у** (подолгу, помногу), **-ах** (впотымах, впопыхах), **-ом** (кругом, верхом), **-ами** (местами, временами), **-ой** (дорогой, гурьбой), **-ью** (осенью, ночью) и некоторые другие.

Так же как и суффиксы имен существительных, прилагательных и глаголов, наречные суффиксы могут быть продуктивными, малопродуктивными и непродуктивными в зависимости от степени активности той или иной формы в процессе адвербиализации. Так как наречия наиболее активно пополняются за счет беспредложных форм имен существительных в творительном падеже, и особенно — существительных мужского рода, то одним из продуктивных суффиксов следует считать суффикс **-ом** (мельком, вечерком). Из предложно-падежных форм по продуктивности и количеству функционирующих лексем в современном русском языке в первую очередь могут быть указаны модели, образованные от винительного падежа имен существительных с предлогами **в** и **на** (вверх, наверх), преимущественно от существительных мужского рода, тогда как наречия, образованные от названного падежа имен существительных женского рода, являются малопродуктивной моделью. Соответственно малопродуктивным суффиксом наречия является **-у** (насилу, впридачу).

Вопрос о продуктивности того или иного суффикса решается в зависимости от активности исходной формы: если образования определенной модели многочисленны и через речевое употребление имен или глаголов в функции обстоятельств могут пополняться новыми словами, то суффикс следует считать продуктивным, и наоборот — немногочисленные группы наречий, представлявшие в прошлом именные падежные или глагольные формы, содержат в своем составе непродуктивные суффиксы (ср. подмышкой, спрохладцей, ливмя, молча и др.).

Определение характера выделяемых элементов в наречии вызывает известные затруднения: назвать их словообразующими нет оснований — наречия обычно образуются синтаксическим способом, не путем присоединения аффиксов. Было высказано мнение, что некоторые из аффиксов в наречии можно считать формообразующими, например, суффиксы **-о, -е** качественных наречий как показатель формы

положительной степени сравнения в противоположность сравнительной (тепло — теплее)²³, но это может относиться только к одной модели наречия, и то с известными оговорками: ряд наречий этого типа по тем или иным причинам не допускают образования сравнительной степени (подлинно, плотоядно и др.). По-видимому, аффиксы наречия представляют собой особый вид аффиксов не только по их отнесенности к определенной части речи, но и по их качеству: употребляясь для образования формы имени или глагола, в процессе лексикализации формы они становятся признаком нового слова с его особым, отличным от исходной формы лексико-грамматическим содержанием. Образование таким путем аффиксов наречий еще раз подтверждает положение о том, что «границы между словообразованием и словоизменением являются зыбкими не только с исторической точки зрения, но и при синхронном рассмотрении»²⁴.

Итак, наречия должны подвергаться анализу со стороны структуры так же, как и все другие части речи. Морфемы, выделяемые в наречии — приставки и суффиксы — в силу их специфики (в подавляющем большинстве падежные формы имен и формы глаголов) представляют собой особый тип аффиксов в русском языке, выходящий за пределы существующей в настоящее время их классификации по функциональному признаку.

²³ Блажо Илиев Блажев. К вопросу о морфологической характеристике наречия как части речи. «Русский язык в школе», 1963, № 6.

²⁴ В. М. Жирмунский. О границах слова. Сб. «Морфологическая структура слова в языках различных морфологических типов». М.—Л., 1963, стр. 14.

ЗАМЕТКИ ОБ УПРАВЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ В ПАМЯТНИКАХ XVII ВЕКА

Одной из основ грамматического строя языка является система предложно-падежных конструкций, изучение которых в историческом плане приводит исследователей, с одной стороны, к выводу об устойчивости грамматического строя языка, а с другой стороны, о медленном, но неуклонном его совершенствовании. Это совершенствование проявляется в изменении значения падежных форм, в употреблении тех или иных падежей с предлогами, в четком и ясном выражении грамматических отношений. Материал языка записок русских людей конца XVII — начала XVIII века¹ свидетельствует о широком распространении приглагольных и приименных предложных конструкций, о богатстве предлогов, употребляющихся в их составе, а также о разнообразии значений и оттенков, которые они выражают.

В системе падежных и предложно-падежных конструкций наблюдается богатая и сложная синонимика, во многом сходная с синонимикой языка наших дней, но в то же время и несколько своеобразная, так как значительная часть предлогов характеризуется широкоразвитой и отличной от современного языка системой значений, способностью сочетаться с большим количеством падежных форм.

Большинство сильноуправляемых глаголов, отмеченных в памятниках, имеет управление, которое характерно для них и в современном русском языке. Лишь отдельные глаголы в силу лексического значения имеют отличные от современного языка формы управления. К таким глаголам в указанных памятниках относятся следующие: беречь, ведать, видеть, оберегать, показывать, разорять, смотреть, танцевать, хранить, учиться, управляющие родительным падежом; благодарствовать, здравствовать, опираться, поздравлять, праздновать,

¹ Дневные записки И. А. Желябужского 1682—1709 г. Изд. 1840 г. (сокращенно: З. Ж.); Путешествие стольника Петра Толстого по Европе в силу Царского указа от 7205 года, января 11 дня, т. е. 1697 года по Р. Х. на 161 полулисте. Журнал «Русский архив», 1388, № 1, 2 (сокращенно: Пут. Т.).

управляющие дательным падежом; ведать, веровать, воевать, граничить, докладывать, махать, лживить, наехать, объявлять, судить, управлять, уличать, управляющие винительным падежом; гнушаться, даровать, поздравлять, пожаловать, утверждать, управляющие творительным падежом.

Из глаголов, имеющих предложное управление, следует отметить следующие: изменить — из (Московского государства), учиться — до чего?; говорить, дать, кричать, писать, показывать, приказывать — к кому?; взять, говорить, доводить, извещать, кручиниться, отписать, полагать, умышлять — на кого?; взять, доправить, искать — на ком?; поручаться, ручаться — по ком?. Аналогичные формы управления у большинства вышеприведенных глаголов отмечены исследователями в других памятниках разных жанров и периодов.

Мы рассмотрим глаголы **граничить, изменить, кручиниться, махать, уличать, управлять**, управление которых представляет известный интерес и в научной литературе еще не описывалось.

Глаголу «граничить» в исследуемых памятниках свойственны три формы управления:

1) винительным беспредложным падежом в сочетании с творительным + с (граничить что с чем?):

Деревня граничить Московское государство с Польскимъ и Литовскимъ . . . Пут. Т. 173, I.

Та река Нарова граничить Литву с Польшей . . . Пут. Т. 377, I.

Граничить Цесарскую землю со Италией река Пантофель. Пут. Т., 377, I.

То место граничить Гишпанию с Римскою областью. Пут. Т., 154, II;

2) творительным падежом с предлогом между (граничить между чем?):

Между Цесарскимъ государствомъ и Польскимъ Королевствомъ в томъ месте граничить болото. Пут. Т., 201, I;

3) творительным падежом с предлогом с (граничить с чем?):

Эти города граничатъ с городами Турецкими. Пут. Т., 20, II.

Все эти формы управления зависят от лексического значения глагола. В научной литературе нам не встретилось указаний на возможные лексические значения глагола **граничить** в древнерусском языке.

Что касается исторических словарей, то ни в «Материалах» И. И. Срезневского, ни в «Лексиконе» Ф. П. Поликарпова (1704 г.) глагол «граничить» не приводится. Впервые глагол зафиксирован в «Российском целлариусе» Гелтергофа (1771 г.), но в нем нет полного указания ни на лексическое значение, ни на формы управления. В словарях XIX века глагол приводится с современной формой управления творительным падежом с предлогом с. В. Даль (Т. I. М., 1956, стр. 396) пишет: «Граничить, быть пограничну, порубежну, смежну, смежаться. Когда-то мы (земля наша) граничивали с ними, а нынче прошла чересполосица». «Словарь церковнославянского и русского языка» (Т. I. 1847, стр. 37) отмечает: «Граничить, быть смежным с другою землею. Россия граничит с Швециею, Пруссиею, Австриею, Турциею». «Словарь современного русского литературного языка», изд. АН СССР (Т. III. 1954, стр. 370), указывает на то же лексическое значение, что и словари XIX века, и форму управления творительным падежом с предлогом с. Диалектные словари глагол «граничить» не отмечают, так как он употребляется в книжном стиле речи.

В материалах диалектологических экспедиций Латвийского государственного университета глагол «граничить» зафиксирован два раза (Даугавпилсский район, Салиенский сельсовет) с управлением винительным беспредложным падежом в сочетании с родительным падежом +от:

Кустóчк'и нáшу з'им'él'ку гран'ичут ат сас'éдавай;

и винительным падежом в сочетании с творительным + с:

Эта канáфка наш агарóт с сас'éдавым гран'ичут.

На основании лексического значения существительного «граница» (именные формы фиксируются словарями раньше глагольных) и приведенных примеров из памятников и диалектов можно установить лексическое значение глагола и объяснить отмеченные в памятниках формы управления.

Исторические и современные словари так определяют лексическое значение существительного граница: «Линия, разделяющая смежные области, владения, участки, являющаяся пределом какой-либо территории, как черта раздела». Глагол граничить в тех примерах, где отмечено управление винительным падежом, употребляется в значении «делить», «разделять» (граничить Московское государство с Польским). Во всех примерах из данных памятников имеется указание на пункты, которые являются чертой раздела двух государств, двух территорий (река граничить Литву с Польшей). При

управлении творительным падежом с предлогом «между» глагол **граничить** употребляется в значении «проходить», «располагаться», «размещаться», что ясно из примера:

Между Цесарскимъ государствомъ и Польскимъ Королевствомъ в томъ месте граничить болото.

Управление творительным падежом с предлогом с характерно для глагола **граничить** в современном русском языке. В этом случае глагол имеет значение «быть смежным, соприкасаться, сходиться». Современное управление зафиксировано и в следующем примере из анализируемых памятников:

Эти города граничатъ с городами Турецкими.

Таким образом, в изучаемых памятниках глагол **граничить** используется в трех значениях, для каждого из которых характерна особая форма управления:

- 1) делить, разделять — что? (с чем?),
- 2) находиться, располагаться — между чем?,
- 3) быть смежным, соприкасаться — с чем?.

В дальнейшей истории языка происходит сужение лексического значения глагола «граничить» и, следовательно, потеря форм управления. Начиная с XIX века в словарях фиксируется лишь третье значение «быть смежным, порубежным» и форма управления творительным падежом с предлогом **с**.

В русском говоре Салиенского сельсовета глагол «граничить» употребляется в значении делить, разделять, отделять, которое характерно для этого глагола в изучаемых памятниках XVII века.

Глагол **кручиниться**, как отмечают словари, в современном русском языке употребляется в народно-поэтическом языке, являясь синонимом к таким нейтральным глаголам, как «тосковать», «горевать», «печалиться» (Ушаков, I, 1534; Ожегов, 31; Словарь АН СССР, V, 1747;), и управляет предложным падежом с предлогом **о**.

В изучаемых памятниках для данного глагола характерно управление винительным падежом с предлогом **на**, например:

... бояринъ **на него кручинился**... З.Ж., 47.

В данном случае глагол «кручиниться» близок по значению к глаголам «сердиться», «гневаться». На возможность такого значения указывает В. Даль (II, 204). По Далю, глагол может выступать в значениях «грустить, тосковать, печалиться, заботиться, принимать к сердцу, сокрушаться, огорчаться, гневаться». Но форма управления, характерная для последнего значения, в словаре не приводится.

Глагол **уличить** в современном русском языке имеет не-

сколько форм управления: уличить кого в чем?, чем? и употребляется в значении «изобличить», «открыть доказательство чьей-то вины» (Ушаков, IV, 931; Ожегов, 818; Словарь АН СССР, XVI, 545). На первую форму управления указывает В. Даль (IV, 489).

В рассматриваемых памятниках XVII века глагол «уличить» управляет винительным беспредложным падежом, например:

... противъ его словъ уличили ихъ воровство ... З.Ж., 242.

В данном случае глагол, вероятно, употребляется в значении раскрыть, обнаружить, сделать явным. Этим и объясняется форма управления.

Глагол **изменить** в изучаемых памятниках имеет две формы управления: 1) дательным падежом, в значении «нарушить обязательство, данное кому-нибудь», например:

Мазепа **измениль** Государю нашему. З.Ж., 244;

2) родительным падежом с предлогом **из**, например:

Измениль изъ Московского государства Федоръ Яковлевъ. З. Ж., 50.

В данном случае глагол употребляется в значении, близком к глаголам «убежать», «перейти» (ср. у А. С. Пушкина: «Он перешел, он изменил. К ногам он Карлу положил бунчук покорный»). На подобное значение глагола «изменить» ни исторические, ни современные словари не указывают. Единичные примеры подобной формы управления не позволяют провести более тщательные наблюдения над употреблением данных конструкций.

Глагол **управлять** характеризуется в изучаемых памятниках двумя формами управления: винительным и творительным беспредложными падежами. В значении «руководить», «осуществлять верховную власть» глагол сочетается с творительным падежом, например:

... **управляетъ** темъ городомъ графъ. Пут. Т., 202, I.
... графъ, который темъ городомъ **управляетъ**. Пут. Т., 202, I.

В конструкциях с винительным падежом, например:

Онъ просиль, чтобы я **путь** своей филюги **управляль**. Пут. Т., 116, 2.

Глагол «управлять» употребляется в значении «направлять», «придавать ходу, движению определенное направление». В. Даль (IV, 504) указывает на возможность такого

значения у глагола «управлять» и приводит форму управления винительным падежом. В словаре АН СССР (т. 16, стр. 761) такое значение глагола отмечено как устаревшее и областное. В следующей конструкции глагол «управлять» также требует винительного падежа без предлога, например:

14 человекъ писарей всякия дела потребные тому шпиталю **управляютъ**. Пут. Т., 527, I.

Но в данном примере значение его отличается от предыдущей конструкции, глагол употребляется в значении «осуществлять, выполнять какую-либо работу, справляться с каким-либо делом». В словаре АН СССР (т. 16, стр. 761) указано на возможность такого значения у глагола «управлять», но с пометой «устаревшее», «областное». В русских говорах Латвии глагол «управлять» еще употребляется в данном значении, например:

Упрáв'им вс'е д'елá тады пьгъвар'им (Даугавпилский район, Салиенский с/с).

В изучаемых памятниках у глагола **махать** отмечена форма управления беспредложным винительным падежом, например:

Они почали **шапки махать** и знамены свои положили. З.Ж., 121.

В данной конструкции глагол **махать** употребляется в значении «бросать», «снимать». На возможность подобного значения и формы управления указывает В. Даль (II, 308), современные словари отмечают управление только творительным падежом.

Таким образом, история сильноуправляемых конструкций тесно связана с изменением лексического значения глаголов. Древнерусские формы управления нередко продолжают бытовать в современных русских народных говорах.

**ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОСТПОЗИТИВНОГО
УКАЗАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ ТЪ (ТОТЬ)
В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XII—XVII ВВ.
(на материале описаний хождений и путешествий
русских людей)**

Среди многих не решенных еще вопросов, связанных с историей указательных местоимений, пожалуй, наиболее спорным, привлекавшим внимание многих лингвистов, начиная со 2-й половины XIX века, является вопрос о значении и роли препозитивного и постпозитивного указательного местоимения **тъ** в истории русского языка, вопрос, который вылился в так называемую «проблему члена».

Часть лингвистов, начиная с Ф. И. Буслаева, опираясь на данные некоторых памятников древнерусского языка (особенно таких, как «Хождение игумена Даниила», «Житие Бориса и Глеба», Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, письма царя Алексея Михайловича, сочинения протопопа Аввакума и некоторые др.) и данные многих русских говоров с частым употреблением постпозитивных форм **-от, -ет, -ту, -те, -та** и др. (например: **есть-от хлеб-от, тута были лафки-те¹**), сопоставляя эти данные с историей определенного члена в болгарском языке и определенного артикля в других языках индоевропейской семьи, пришла к выводу о существовании в древнерусском языке и современных говорах определенного члена, развившегося аналогично болгарскому языку из постпозитивного указательного местоимения **тъ, та, то²**.

¹Примеры взяты из работы Н. П. Гринковой «Постпозитивный член в Молотовском говоре Кировской области», сб., посвященный памяти акад. Л. В. Щербы, Л., 1951.

²См.: Л. Милетич. Членътъ въ българския и въ руския езикъ. Сб. «За народни умотворения, наука и книжнина». Кн. XVIII. София, 1901;

М. Халанский. О члене в русском языке. Известия ОРЯС, т. VI, кн. 3, 1901;

А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. IV. М., 1907, стр. 227—228;

В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Изд. V. М.—Л., 1935, стр. 116—117;

Н. П. Гринкова. Постпозитивный член в Молотовском говоре Кировской области. Сборник, посвященный памяти акад. Л. В. Щербы. Л., 1951.

П. Я. Черных, Г. Я. Сими́на и некоторые другие лингвисты придерживаются мнения о трансформации определенного члена, существовавшего в древнерусском языке вплоть до XVII века, в постпозитивную частицу³, и, наконец, ряд лингвистов отрицает наличие когда-либо категории определенного члена в русском языке⁴.

Цель настоящей статьи — проанализировать значение и синтаксические функции местоимения *тъ* в постпозиции к определяемому слову, выявить своеобразие в употреблении данного местоимения в литературных памятниках разных эпох и территорий. Исследование проводится на материале описаний хождений и путешествий русских людей. Выбор объекта исследования определяется следующими причинами:

1. Из многочисленных описаний хождений и путешествий русских людей нами отобраны 19 текстов «хождений», среди которых есть «хождения» южные: Д. — XII в., Оп. Т. — XVII в.; западные и северо-западные: Ан., Ст., Агр., Иг. С. — XII—XIV вв., В. — XV в.; северо-восточные (московские): С. С., Вас. — XV в., П., Т. К., Т. К. П., В. Г., К., И., Б. — XVI—XVII вв.;

есть «хождения» паломнические, отмеченные сильным влиянием книжного, церковнославянского языка (Д., Ан., З., П., И. и др.) и «светские», в которых широко отражена либо живая разговорная речь (Аф. Н., Вас., К., Оп. Т.), либо речь официально-деловая (С. С.).

Все это позволяет исследовать данное грамматическое явление с учетом его хронологии, географии распространения, а также в стилистическом плане.

2. Среди «хождений» встречаются 2 текста (Д. и Оп. Т.), из которых обычно приводятся лингвистами отдельные примеры в подтверждение наличия в древнерусском языке постпозитивного члена⁵, работ же, посвященных специальному

³ П. Я. Черных. Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия. Иркутск, 1927.

Г. Я. Сими́на. О некоторых особенностях системы указательных местоимений в говоре Красноборского района Архангельской области. Исследования по грамматике русского языка, т. III. ЛГУ, 1962, стр. 203—205.

⁴ См.: А. М. Селищев. Критические заметки по истории русского языка. Уч. зап. Московского городского пединститута, вып. I, т. V, 1941, стр. 184—185;

Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 196—197;

В. И. Кодухов. К вопросу о постпозитивном члене в русском языке. Уч. зап. Ленинградского государственного пединститута, т. 92, 1954.

⁵ См.: П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г. М., 1953, стр. 96—97; М. Халанский. О члене в русском языке. Известия ОРЯС, т. VI, кн. 3, 1901, стр. 139.

исследованию употребления местоимения **тъ** в данных письменных памятниках, не имеется.

В исследуемых текстах данное местоимение употребляется почти исключительно при имени существительном, согласуясь с последним в роде, падеже и числе⁶.

По частоте и некоторым особенностям употребления местоимения **тъ** все «хождения» распадаются на 3 группы.

1. «Хождения», в которых указательное местоимение **тъ** употребляется сравнительно редко и преимущественно в позиции к определяемому имени. Это западные и северо-западные «хождения» XII—XV вв., а также «тверское» «Хождение Афанасия Никитина» и «Путешествие иеродьякона Зосимы» (оба XV век).

2. «Хождения», в которых данное указательное местоимение употребляется значительно чаще, и в основном в препозиции. Это московские «хождения» XVI—XVII вв.: П., Т. К. П., Т. К., В. Г., А. С., И., К., Б.

3. «Хождения», в которых **тъ** употребляется значительно чаще, чем в современном русском литературном языке, как препозитивное и постпозитивное указательное местоимение. Это «хождения»: Д., С. С., Вас., Оп. Т. (см. табл. 1).

Основной функцией, которую выполняет в исследуемых «хождениях» местоимение **тъ**, находясь в постпозиции, является выражение анафорической связи. Указательное местоимение, за редким исключением, в постпозиции, в отличие от препозитивного, не имеет значения указания, а лишь отсылает к упомянутому в предшествующем контексте. Ср.:

... и есть ту была пещера;
надъ тою пещерою создана
была церкви добра ...⁷

Д. 67.

... подъ церковцею тою пещер-
ка мала и церквица другая,
предъ пещеркою тою приздана.

Д. 84.

... А за темъ местомъ мас-
личнаа великаа гора Елеон-
скаа: **съ тое горы** Господь
вознесся на небо ...

Иг. С. 20.

... заехавъ за гору повернути
на лево съ 3 версты. А гора та
велми высока ...

Иг. С. 21.

⁶ Единичные случаи употребления данного местоимения с именем прилагательным, местоимением встретились только в Оп. Т.

⁷ В приводимых примерах сохраняется орфография и пунктуация используемых изданий, исключая начертания и (десятеричного) и буквы **ять**; последние заменены соответствующими буквами современного алфавита.

Местоимение в подобных случаях имеет значение: на той, о которой идет речь, а не другой.

В этих случаях местоимение только отсылает к предшествующему контексту, имея значение — вышеназванный. Определяемое же имя существительное благодаря примыкающему фонетически к нему местоимению становится выделенным, подчеркнутым.

Таким образом, постпозитивное местоимение, выполняя анафорическую, релятивную функцию, вместе с тем играет роль и выделительно-усилительного слова.

Всего в «хождениях» встретилось 474 случая (из 782), где постпозитивное местоимение имеет ярко выраженное анафорическое значение. Причем наибольшее количество (420) приходится на «хождения» III группы.

Таблица I

Хождение	Датировка	Среднее количество местоимений ть на 1000 знаков	Количество мест. ть в препозиции (в %)	Количество мест. ть в постпозиции (в %)
I группа				
Ан.	12 в.	2,4	84%	16%
Ст.	14 в.	10,8	78%	22%
Агр.	14 в.	9	80%	20%
Иг. С.	14—15вв.	8,4	82%	18%
З.	15 в.	7,5	68%	32%
В.	15 в.	10,1	86%	14%
Аф. Н.	15 в.	2,3	88%	12%
II группа				
П.	16 в.	20,9	96%	4%
Т. К. П.	16—17вв.	20,7	97%	3%
Т. К.	16 в.	27	100%	—
В. Г.	17 в.	22	98%	2%
А. С.	17 в.	23,7	96%	4%
И.	17 в.	46	96%	4%
К.	17 в.	20	99%	1%
Б.	17 в.	38	99%	1%
III группа				
Д.	12 в.	24	41%	59%
С. С.	15 в.	30,1	60%	40%
Вас.	15 в.	34	56%	44%
Оп. Т.	17 в.	63	75%	25%

В зависимости от ряда причин анафорическое значение постпозитивного местоимения может усиливаться, сочетаться со значением указания и может ослабевать, стираться совсем.

1. Анафорическое значение постпозитивного местоимения усилено, если между именем существительным и постпозитивным местоимением есть еще слово. В «хождениях» это, главным образом, частица **же** (21 случай), значительно реже частицы **бо**, **де**, глагольная связка (6 случаев):

... А оттуда есть до столпа Давыдова и до дому 200 сажень. **Столпъ же то** есть святаго пророка Давида...

Д. 25.

... От сред же церкви до престола, где служить патриархъ, сажень 13. **Престоль же тый** поставленъ противо самого распятъя Гольгофы...

Агр. 4.

... а стена де та ведена отъ ревенныхъ Китай...

Б. 129.

... церковь бо та пуста...

И. 16.

... 12 коша хлебовъ... а **хлебы суть те** во стене запечатани...

Ан. 98.

В этих случаях имя существительное логически подчеркнуто, смысловая роль местоимения тоже усилена, последнее уже не только отсылает к вышеназванному, но и указывает (именно тот, о котором шла речь).

Усиление смысловой роли постпозитивного указательного местоимения в данном случае объясняется причинами акцентологического характера: местоимение оказывается в ударном положении после паузы, следующей за энклитиками.

В отдельных случаях (8) смысловая роль местоимения усилена частицей **же**, следующей за местоимением. Это наблюдается либо в устойчивых канцелярских оборотах при обозначении дат в «хождении» С. С.:

... а Патриархъ поеха изъ Феррары месяца **того же** 26 дня... и Митрополитъ Исидоръ поиде **месяца того же** 27 дня **рекою тою же** въ судехъ...

С. С. 85,

либо в случаях, когда местоимение **тот** с частицей **же** упот-

реблено со значением определительного местоимения **такой**, тождественный названному ранее:

... молитву дорную глаголетъ старей иерей во олтари... а второй глаголетъ **молитву ту же** во церкви...

Ан. 84.

... и рыбы привозять отъ моря изъ Гиляни и отъ Куры реки с устья, что бысть Русская семга красна, и таковъ же укусь **тотъ же**...

К. 5.

Только в двух случаях **при противопоставлении** употреблено постпозитивное местоимение, имеющее помимо анафорического еще и значение прямого указания:

... да вокругъ **града того** большой градъ...

Вас. 4.

... а въ немъ 7 градовъ, единъ во единомъ, а вокругъ горы тоа и **седми градовъ техъ**, градъ велми великъ...

Вас. 2.

(Обычно в подобных конструкциях местоимение препозитивно.)

Таким образом, местоимение **тот** со значением **анафорическим и указательным** в постпозиции встречается редко, главным образом в хождениях XII—XV вв.

Местоимение **тот** в постпозиции частично выполняет указательную функцию, выступая в роли соотносительного слова. Такие случаи редки — 23 раза. (Ср.: в препозиции местоимение встретилось в роли соотносительного слова 157 раз.) Причем постпозитивное местоимение в роли соотносительного слова, как правило, выполняет двойную функцию: относит к вышеназванному или описанному, т. е. является анафорическим, и соотносит с последующим придаточным определительным, указывая на имя, значение которого как бы уточняется, поясняется в придаточной части:

... и на десней рuce есть яко лавица засечена...
есть ныне лавица та святая покрыта досками мраморными... **Лавица же та** святаа, идеже лежало тело Христово, есть въ длину 4 лакоть. Д. 17.

... ту жила святая Богородица по вознесенъи сына своего на небеса и молилась сыну своему, и до ныне знати **место то**, идеже клала поклоны на мраморе...

З. 16.

2. Гораздо чаще анафорическое значение постпозитивного местоимения **тъ** ослаблено, что наблюдается в следующих случаях:

1) Если повторяющиеся понятия названы словами-синонимами или предмет мысли в предшествующем контексте не назван, но из всего контекста явствует, о каком предмете мысли идет речь:

... ту и воду показа святаа Троица Авраамови,
и есть **кладязеть** и до днесь ... Д. 7.

... и того ради зовуться: святаыя девы. Ризы же
черницъ техъ белы яко снегъ ... С. С. 82.

... а каломъ ихъ пекутъ хлебы и еству варять
собе, а **попеломъ темъ** мажутся по лицу .. Аф. Н. 19.

... а полаты ж развалишася. Токмо кучи ве-
лики **камения того** лежат тех полать ... В. 9.

2) При наличии второго постпозитивного определения:

... Вода же мутна велми и сладка пити и несть
сыти пиюще **воду ту святую** ... Д. 45.

... зря пряма на востокъ сонца, отъ **дверей техъ**
градныхъ ... Оп. Т. 7.

... отъ западной страны отъ **реки той** Египет-
ской ... Оп. Т. 7.

3) При многократном повторении одного и того же имени существительного или при параллельном употреблении в сравнительно небольшом контексте нескольких повторяющихся имен существительных с анафорическим местоимением:

... учиненъ мость великъ на многихъ восходехъ
каменныхъ, а стень у мосту того четыре, аки град-
ския каменная, а врата среди **мосту того** железныя ...
Вас. 12.

... и среди града того суть столпы устроены ...
и у техъ столповъ, у коегождо, люди приря-
жены около тою же медию, и изтекають изъ
техъ людей изъ всехъ воды сладки и студены у
инаго изъ ноздрию. Тии бо люди напояють весь
градъ той и скоты. Приведенье **водъ техъ** вельми хит-
ро ... С. С. 84.

В этих случаях у выделенных (жирным шрифтом) постпозитивных местоимений, на наш взгляд, анафорическое значение **ослаблено**, они не столько уже относят к названному выше, сколько выделяют, подчеркивают имя существитель-

ное, а в некоторых случаях происходит и полное стирание их анафоричности:

... изъ древа исходить аки мезга и снимають железомъ острымъ. Имя **древу** тому Зигия, и есть яко ольха образомъ **древу то**. А другое древце есть мало яко осина, но есть имя **древцю** тому рака. И есть въ **древци томъ** червь великъ, яко поноровъ въ боле есть, за корою **древца того**; и точить **древце то червь** и исходить изъ **древца того червоточина та** яко отруби пшеничны, и падають отъ **древца того** яко клей вышневыи, и то собирають людие и смешивають съ первореченнымъ **древомъ**...

Д. 127.

Такъ есть той **Новый Вовилонъ** на ровномъ месте; по берегу реки той **Вовилоньской**, отъ северския страны, стоитъ онъ такъ отъ стараго таго **Вовилона**, за **рекою тою Вовилоньскою**... А той градъ **Новый Вовилонъ** стоитъ онъ хорошо по ровному месту, по берегу **реки той Вовилоньской**. Оп. Т. 17.

При сопоставлении значения постпозитивного местоимения **тот** в первомъ случае с последующими заметно ослабление анафорического значения до полного его стирания и превращения в усилительно-выделительное слово.

4) При большомъ контексте, в пределах котораго употребляются повторяющиеся имена существительные:

... а стены у **монастыря** и мечеть все каменное мурамленое, а тутъ живутъ Бусурманы съ Тезики, те жъ люди нечернцы; а у монастырской ограды многие ворота, а у воротъ цепи железныи; и кто кого убьетъ... то те люди все тутъ убегаютъ, и за цепь ухватится руками и поцелуетъ и въ **монастырь тотъ** уйдетъ...

К. 6.

Иногда контекст между повторяющимися словами столь великъ, что онъ разрываетъ анафорическую связь и постпозитивное местоимение выполняетъ только выделительно-усилительную функцию.

... Пойде бо князь Иерусалимьскый Балдвинъ на войну къ Дамаску путемъ темъ къ Тивириадьскому морю (стр. 92) ... и ту пребыхомъ 10 дней въ граде томъ, дондеже прииде князь Балдвинъ съ **войны тоа** отъ Дамаска.

Д. 102.

(Контекст между дважды повторяемыми именами существительными достигаетъ 10 страниц.)

... тож в седмые двери внити въ святую Софею, великую церковь... [большой контекст с описанием чудес, совершающихся в церкви]... оттоле идохомъ къ св. Арсенію патриарху и целовахомъ тело его и помаза ны старецъ масломъ его и то все идетъ по-солонь въ церкви той... Ст. 51—52.

В «хождениях» III группы значительно чаще, чем во всех других «хождениях», мы встречаемся с ослабленным (и совсем стертым) анафорическим значением у постпозитивного местоимения **тъ**. Так, в «хождениях» I группы всего 16 случаев, что составляет $\approx 20\%$ от общего количества постпозитивных местоимений, в «хождениях» II группы — 16 случаев, т. е. 19% от общего числа постпозитивных местоимений, в хождениях III группы — 253 случая, что составляет 36% от общего количества постпозитивных местоимений. Причем употребление постпозитивного местоимения **тъ** с ослабленным анафорическим значением (и совсем стертым) количественно возрастает в хронологически более поздних «хождениях» III группы (см. табл. 2).

Таблица 2

Хождение	Датировка	Количество постпозитивных местоимений, имеющих анафорическое и указательное значение (в % от общего числа постпозитивных мест.)	Количество постпозитивных местоимений, имеющих только анафорическое значение (в %)	Количество постпозитивных местоимений с ослабленным (или стертым совсем) анафорическим значением (в %)
Д.	12 в.	3%	70%	27%
Вас.	15 в.	6%	63%	31%
С. С.	15 в.	10%	40%	50%
Оп. Т.	17 в.	3%	36%	61%

Те лингвисты, которые отстаивают наличие в русском языке постпозитивного определенного члена в вышеприведенных примерах и им подобных, видят не постпозитивное местоимение с ослабленным анафорическим значением, выполняющее функцию выделительно-усилительного слова, а постпозитивный член⁸, подобный члену болгарского языка. Но

⁸ См.: М. Халанский. О члене в русском языке... стр. 139; П. Я. Черных. Язык Уложения... стр. 96—97.

«член в болгарском языке показывает род и число и служит для выражения грамматической определенности»⁹. Имеем ли мы в примерах, приводимых выше, и в исследуемых памятниках в целом систематическое выражение категории определенности с помощью постпозитивного **тъ**? Материал памятников не позволяет ответить положительно.

Во-первых, постпозитивное местоимение употребляется факультативно. Ср.:

... и есть же **монастыреть** на удолие месте и горы суть около его каменя подаль; **монастырь же** былъ градомъ оделанъ... Д. 136.

... длиною стоитъ **посады той**, а окрестъ **посаду таго** града несть; а отъ северской страны **посаду** стоитъ градъ... Оп. Т. 19.

... А отъ Рода до Афа 8 сотъ версть; то ти всего пути по морю до **Афа** есть версть 1000 и 600. Д. 152.

... А оттуда до Иерихона есть верста едина. **Иерихонъ же тый** былъ первее градъ великъ и твердъ велми... Д. 50.

И вообще, в исследуемых «хождениях» анафорическая связь далеко не всегда выражена, тогда как при наличии «сформировавшегося постпозитивного члена», подобного болгарскому, этого быть не может.

Во-вторых, в исследуемых «хождениях» имена существительные, обозначающие конкретные, вполне определенные или известные вообще предметы мысли, обычно употреблены без постпозитивного **тъ**, если названы впервые, например:

... не могохъ дойти **нсгами** своими... Д. 109.

... яко жива стоитъ пречистая и Спаса держитъ на **руце**... С. С. 83.

Сказание стенамъ Иерусалимскимъ, как оне стоять...

Первая, южная **стена** града стоитъ она...

А вторая, восточная **стена** града стоитъ она...

Оп. Т. 3.

Лишь в двух текстах (Вас. — XV в. и Оп. Т. — XVII в.) мы встретились с употреблением постпозитивного **тъ** с именем существительным, названным впервые:

Поперегъ колесъ техъ по 10 сажений, да мелють особь водою, да та вода съ колесъ техъ идетъ къ горе

⁹ Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1949, стр. 109.

по желобамъ темъ на обе горы во все двory град-
ска . . .

Вас. 4.

. . . А изъ Аньдранополя тутъ почнутся уездные люди
те болгарские . . .

Оп. Т. 29.

. . . до пограничнаго града таго да Арчели . . .

Оп. Т. 10.

Ср.: . . . ездy 1 день и половина да малага града до
Бладанабъ . . .

Оп. Т. 10.

Однако и в этих примерах постпозитивное **тъ** (**тоть**) не выражает категорию определенности имени существительного, употребляется факультативно и, на наш взгляд, играет роль усилительно-выделительного слова.

Таким образом, в исследуемых «хождениях» этой группы (Д., Вас., С. С., Оп. Т.) в ряде случаев анафорическое значение постпозитивного местоимения **тъ** ослаблено; однако это еще не означает, что перед нами в данном случае грамматический член, поскольку постпозитивные **тъ**, **та**, **то** в этих случаях не выражают категорию определенности имени существительного, а лишь выделяют, подчеркивают последнее. Причем материал «хождений» подтверждает, что в русском языке начало длительного процесса трансформации постпозитивного указательного местоимения в выделительно-усилительную частицу восходит к периоду древнейших русских памятников, что и нашло отражение в «Хождении Даниила», и в XVII в. (период написания Оп. Т.) этот процесс еще не был завершен. В последнем памятнике, широко отражающем особенности южных говоров, наряду с частым употреблением постпозитивного анафорического местоимения ($\approx 36\%$) гораздо чаще (примерно 61%) анафорическое значение местоимения ослаблено или стерто совсем, либо **тот** употреблено с именем существительным, названным впервые. В таких случаях **тот** — уже не местоимение, поскольку не выполняет функций местоимений (ни указательную, ни анафорическую), но еще и не сформировавшаяся частица, поскольку употребляется почти исключительно при имени существительном, согласуясь с последним в роде, числе, падеже; однако выделительно-усилительная функция, которую выполняет в данном случае постпозитивное **тот**, сближает его с частицей. Характерно, что в этом памятнике встретился единственный случай употребления постпозитивного **тот** в роли усилительно-выделительного слова и при местоимении указательном:

. . . пришлоъ конецъ горы той великой, аки холмъ
ровнай, равенъ онъ съ тою великою горою. А той
конецъ горы той тая-та есть тутъ стоять та названная
гора святая Сионъ . . .

Оп. Т. 2.

а также несколько случаев при имени прилагательном:

... ездѹ 3 часа ... да **бывшаго таго** великаго града
Неневиа ... Оп. Т. 17.

Столь же частое употребление анафорических местоимений в большинстве «хождений» (исключая «хождения» I группы), а также в других памятниках древнерусской письменности объясняется спецификой древнерусского синтаксиса, которую Л. А. Булаховский определил следующим образом:

«Новый синтаксис не нуждается в напоминании об уже сказанном в той мере, в какой это было обычно для старинной речи»¹⁰.

Употребление местоимения **тъ** в постпозиции к определяемому слову и было в древнерусском языке одним из средств выражения анафорической связи. Эта особенность синтаксического строя, по всей вероятности, в XII—XV вв. уже не была распространена повсеместно. Видимо, не случайно зап. и сев.-зап. «хождения» XIII—XV вв. (Ан., Ст., Агр., Иг. С., В.), а также «хождения», возникшие севернее Москвы — Аф. Н., З., — выделяются среди других «хождений» редким употреблением анафорического местоимения **тъ**, причем среди этих памятников и «хождение» Аф. Н., широко отражающее особенности живого местного говора.

Падение редуцированных звуков и возникновение вследствие этого процесса форм типа **ровоть**, **монастыреть**, с полным фонетическим слиянием постпозитивного местоимения мужского рода ед. ч. с именем существительным, способствовало потере этой формой местоимения анафорического значения.

Однако и в XIII веке, и позднее на большей территории строй русской речи нуждался в постоянных «напоминаниях об уже сказанном», т. е. в выражении анафорической связи. Этим объясняются довольно частые в «хождениях» Д. случаи замены в ряде списков XV—XVI вв. форм местоимений **(о)-тъ**, **(е)-тъ**, не выражавших уже анафорической связи, формами **той**, **тотъ** или встречающиеся довольно редко в отдельных списках случаи типа **ровоть той**. Ср.:

... созданъ есть, яко дворъ ... и помещень есть
весь **двороть** мраморными досками (39),

в списках Дуб., Ф. — дворъ **той**

У., Сн. — **двороть той** ...

Р. — дворъ (без местоим.)

или

¹⁰ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 373.

...да потому зовется **дуботь** Мамбрийский...
(71),

в списках М., Ф. — дубь (без местоим.)

Кир. — дубь той

Т. — дуботь той.

По мере ослабления у постпозитивного местоимения **тъ** (**тотъ**) анафорического значения и постепенного закрепления за постпозитивным местоимением функции выделительно-усилительного слова, при все существующей (вплоть до XVIII века) необходимости «напоминания об уже сказанном» возрастает в «хождениях» количество препозитивных местоимений¹¹, причем в препозиции местоимение все чаще выполняет **только** анафорическую функцию, употребляясь не в начале предложения.

И в московских «хождениях» XVI—XVII вв. при большой частоте употребления местоимения **то** встречаются лишь единичные случаи употребления данного местоимения в постпозиции.

Постпозитивное **тъ** крайне редко употреблялось и в памятниках официально-делового языка Москвы XVI—XVII вв. Это дает П. Я. Черных основание предполагать, что «употребление склоняемого определительного члена, совершенно неизвестное в Уложении и отсутствующее в других памятниках приказного языка, по-видимому, не было широко распространено и в разговорной московской речи середины XVII в.»¹².

Для М. Халанского же наличие члена в разговорном языке Москвы в XVII в. — неоспоримый факт, отсутствие же этих форм в большинстве московских памятников автор объясняет «сознательным стремлением» московских книжников не допускать член в письменный язык¹³.

Нам кажется, что отсутствие постпозитивного **тъ** в приказном языке Москвы (а под его влиянием и в других стилях литературного языка и, в частности, в описаниях путешествий, хождений) можно объяснить скорее спецификой делового стиля, для которого не характерна эмоциональность, экспрессивность, столь обычные в живой разговорной речи. Поэтому постпозитивное местоимение **тъ** с ослабленным анафорическим значением, в функции усилительно-выделительного слова, широко, видимо, бытовавшее в живой разговорной московской речи, было не употребительно в языке

¹¹ См. таблицу I.

¹² П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г., стр. 95.

¹³ М. Халанский. О члене в русском языке..., стр. 156.

приказов, юридических актов и др. деловых памятников и не вошло под их влиянием в литературный язык.

Авторы же произведений XVII века, которые отходят от норм книжного литературного языка и дают широкий доступ разговорному языку (Аввакум, автор Оп. Т.), часто употребляют постпозитивное **тъ** в роли усилительно-выделительного слова наряду с препозитивным и постпозитивным местоимением **тъ** со значением указания и анафорическим значением.

СОКРАЩЕНИЯ

- Агр. — Хождение архимандрита Агрефения. Палестинский сб. Т. XVI, вып. 3. Спб., 1896.
- Ан. — Путешествие новгородского архиепископа Антония. Археографическая комиссия. Спб., 1872.
- А. С. — Проскинитарий Арсения Суханова. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. II. Спб., 1849.
- Аф. Н. — Хождение Афанасия Никитина. АН СССР. 1958.
- Б. — Путешествие Федора Иссакиевича Байкова в Китай в 1654 г. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. II. Спб., 1849.
- В. — Хождение инока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму. Палест. сб. Т. XV, вып. 3. М., 1896.
- Вас. — Хождение гостя Василия. Палест. сб. Вып. 6. Спб., 1884.
- В. Г. — Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Гагары в 1634 г. Палест. сб. Вып. 33. Спб., 1891.
- Д. — Житие и хождение Даниила русской земли игумена. Палест. сб. Вып. 3 и 9. Спб., 1883, 1885.
- Дуб. — Житие и хождение Даниила русской земли игумена, список Дубровского. Палест. сб. Вып. 3 и 9. Спб., 1883, 1885.
- З. — Путешествие иеродьякона Зосимы. Палест. сб. Вып. 24. Спб., 1889.
- И. — Путешествие по святым местам иеродьякона Ионы по прозвищу Малого в 1649—1652 гг. Палест. сб. Вып. 42. Спб., 1895.
- Иг. С. — Путешествие дьяка Игнатия Смолянина в Царьград и Иерусалим. Палест. сб. Вып. 12. Спб., 1887.
- К. — Хождение купца Федота Котова в Персию. Издание Времен. общ. истории древностей Российских, кн. XV, 1852.
- Кир. — Кирилловский список «Хождения игумена Даниила». Палест. сб. Вып. 3 и 9. Спб., 1883, 1885.
- М. — Московский и Макарьевский списки «Хождения игумена Даниила». Палест. сб. Вып. 3 и 9. Спб., 1883, 1885.
- Оп. Т. — Описание Турецкой империи. Палест. сб. Вып. 30. Спб., 1890.
- П. — Хождение купца Василия Познякава по святым местам Востока. Палест. сб. Вып. XVIII. Спб., 1887.
- Р. — Румянцевский список «Хождения игумена Даниила». Палест. сб. Вып. 3 и 9. Спб., 1883, 1885.
- Си. — Синодальный список «Хождения игумена Даниила». Палест. сб., вып. 3 и 9. Спб., 1883, 1885.
- С. С. — Путешествие инока Симеона Суздальского в Италию. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. II. Спб., 1849.

- Ст. — Сказание о путешествии в Царьград Стефана Новгородца. М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в. АН СССР, 1934.
- Т. — Толстовский список «Хождения игумена Даниила». Палест. сб. Вып. 3 и 9. Спб., 1883, 1885.
- Т. К. — Хождение дьяка Трифона Коробейникова 1593 г. Палест. сб. Вып. 27. Спб., 1888.
- Т. К. П. — Хождение московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова по святым местам. Палест. сб. Вып. 27. Спб., 1888.
- У. — Список Ундольского «Хождения игумена Даниила». Палест. сб. Вып. 3 и 9. Спб., 1883, 1885.
- Ф. — Флорищевский список «Хождения игумена Даниила». Палест. сб. Вып. 3 и 9. Спб., 1883, 1885.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ ВНУТРИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Наблюдения над устойчивыми выражениями современного русского языка свидетельствуют о том, что в структуре фразеологических единиц кроме лексико-семантических архаизмов¹ можно обнаружить и старые формы слов, вышедшие из свободного употребления и замененные в современном русском языке другими грамматическими формами. Это так называемые грамматические архаизмы, воспринимаемые в настоящее время как элементы несколько иной системы языка.

«В современном русском языке они не представляют никакой системы. Они случайны и не связаны друг с другом»².

Грамматические архаизмы резко отличаются от лексических: лексические архаизмы имеют такую грамматическую форму, которая обладает возможностью восприятия их грамматического значения; грамматические же архаизмы могут быть понятны со стороны семантики, но вызывают недоумение именно как грамматические формы.

О степени их устарелости судить довольно трудно, так как они противостоят современной системе продуктивных и непродуктивных языковых форм.

Наблюдения над грамматическими архаизмами во фразеологических выражениях помогут полнее представить процесс развития языка, а также проследить изменения отдельных грамматических форм.

Внутри устойчивых выражений современного русского языка можно встретить архаические формы различных частей речи. В количественном отношении устаревшие именные формы превалируют над глагольными. Рассмотрим их.

¹ См.: Н. А. Донец. Лексико-семантические архаизмы и историзмы внутри фразеологических единиц современного русского языка. Уч. записки ЛГУ им. П. Стучки. Вып. 9 а. 1964, № 54.

² Д. Н. Шмелев. Архаические формы в современном русском языке. М., 1960, стр. 4. В названной брошюре автор рассматривает грамматические архаизмы в свободных сочетаниях на материале языка писателей XVIII—XIX вв.

1. ИМЕННЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ

а) В именах существительных

1. В результате унификации падежных форм и уменьшения типов склонения имен существительных многие падежные формы, характерные для древнерусского языка, исчезли. Но некоторые из них, не входя в систему современного русского языка, сохранились в ряде устойчивых выражений. Так, во фразеологизмах отмечены остатки бывшего склонения имен существительных с основой на согласный, которое очень рано утратилось. К грамматическим архаизмам такого типа относятся имена существительные среднего рода с бывшей основой на *-*s* (небеса, телеса, словеса): **плести словеса, с заднего колеса влез на небеса**. В данном случае сохраняется старая форма винительного падежа множественного числа. **Превозносить до небес, плетение словес**, где представлена старая форма родительного падежа множественного числа. **Быть в телесах** — местного падежа множественного числа.

Форма именительного-винительного падежа единственного числа этого типа склонения еще в доисторический период получила окончание **-о**, в результате чего вместо старого склонения типа **слово—словесе—словеси** установилось современное склонение типа **слово—слова—слову**. Во фразеологизмах сохраняются древнерусские формы с наличием в них старого показателя **-ес**.

По данным исследователей, формы косвенных падежей с показателем **-ес** не были свойственны живому русскому языку и употреблялись лишь в книжной речи, в развитии которой большую роль играл старославянский язык, где этот тип склонения разрушился позднее³.

Из трех приведенных выше форм наиболее употребительной в современном русском языке является форма **небеса**, которая возможна и в свободном употреблении с определенным стилистическим заданием. Формы **словеса** и **телеса** сохранились только в устойчивых выражениях:

Иван Дормидонтович **был** мужчиной **в телесах**, еще не старый, с пробивавшейся лысиной, частенько прикладывался к рюмочке (В. Титов). Сосед мой отдавал дань всему, что было на столе, **превознося до небес** и саму хозяйку, и черносмородиновую настойку, и маринованные грибки (Там же).

³ А. Шахматов. Историческая морфология. М., 1957, стр. 295. В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 191.

2. **Формы теля и порося** являются остатками бывших форм именительного падежа единственного числа существительных среднего рода с той же основой на согласный: **не было у бабы хлопот, так купила порося, теля умерло — хлеба прибыло**. Обе формы употребляются только во фразеологических оборотах:

«Не было у бабы хлопот, купила баба порося», — лениво прерывала она попытки степняка рассказать о своих затруднениях (О. Зив).

3. Форма **дню**, сохранившаяся только в выражении **на дня семь пятниц**, является остатком местного падежа древнерусской системы склонения. Склонение существительного **день** прошло долгий и сложный путь развития. По свидетельству С. П. Обнорского⁴, оно первоначально имело основу на согласный, затем подверглось влиянию основ на **-*ĩ** и, наконец, вошло в категорию имен с основой на **-*jõ**. Взаимодействие основ на ***õ** и на ***ĩ** привело к проникновению флексии **-у** и в основы на **-*jõ**. Имя существительное **день**, по-видимому, также испытало это влияние. Менее вероятно предположение о сохранении здесь формы местного падежа двойственного числа (**дъню**).

4. Остатки форм местного падежа множественного числа имен существительных с бывшей основой на **-*õ** (язык, облако, человек) имеют место в следующих фразеологических выражениях: **притча во языцех, темна вода во облацех, в человецех благоволение**. Для всех трех форм характерен переход заднеязычного в свистящий по закону второй палатализации.

Э, батенька, диссертация твоя еще темна вода во облацех. (Ю. Трифонов). **Осторожность профессора Хорькова стала притчей во языцех** (Н. Фогель).

5. Архаичны формы **человеки, веки** во фразеологизмах: **все мы люди, все мы человеки, в кои-то веки, жить Аредовы веки, на веки вечные, ни во веки веков**. Рассматриваемые формы представляют собою новообразования, возникшие фонетическим путем из более древних **человеци, веци**, которые сначала подверглись влиянию форм винительного падежа множественного числа (человеки, веки), а впоследствии изменили конечные сочетания **-кы** на **-ки**.

Твердила я: в любви не будет этой прока ни во веки веков (Грибоедов). **Не отпустим. В кои-то веки**

⁴ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Л., 1927, стр. 190 и далее.

зашел — и уже спешись. Подождет твоя мамзель (И. Гуров). Мы в дружбе той святой на веки вечные клянемся (Н. Крылова).

б) В именах прилагательных

1. В древнерусском языке краткие имена прилагательные склонялись и выступали в функции определений. Остатки прежнего склонения кратких имен прилагательных сохранились в застывших оборотах: а) в форме именительного падежа: ни жив ни мертв, нем как рыба, нем как могила, неровен час, гол как сокол, лиха беда начало, и стар и млад, мал, да удал; мал золотник, да дорог; сыр-бор загорелся, добр молодец, мать сыра земля; б) в форме родительного падежа: от мала до велика, средь бела дня, мал мала меньше; в) в форме дательного падежа: по белу свету, не добро человеку быть единому; не до жиру, быть бы живу; не по хорошу мил, а по милу хорош; по добру по здорову (в новейшей орфографии — подобру-поздорову); г) в форме винительного падежа: на босу ногу.

Невольно в душу мне закрадываются мысли на тему «не добро человеку быть единому» (М. Горький). Не о чести думать, а как живу быть (А. Толстой). Нет, ребята, с вами пива не сварись, лучше от вас убраться по добру по здорову (Г. Успенский). От мала до велика нас оглашали криком семнадцать деревень (Исаковский). От мала до велика все у нас руководят (А. Твардовский). Говорят, лиха беда начало (О. Андреев). Люся пришла в зеленом платье и сандалиях на босу ногу (О. Матюшина).

2. В древнерусском языке полные имена прилагательные в именительном и винительном падежах множественного числа имели родовые формы. Впоследствии произошла унификация падежных окончаний для всех трех родов. В некоторых устойчивых выражениях современного русского языка сохранились остатки этих различий. Так, в сочетании **многая лета** «многая» — старая форма именительного-винительного падежа множественного числа среднего рода. Такого же происхождения форма **святая** в выражении **святая святых**, которая в современном языке воспринимается как форма женского рода единственного числа.

Трудно бывает проникнуть в святая святых человека (Лесков).

1. В древнерусском языке существовали энклитические формы личных и возвратных местоимений: **ми, ти, си, мя, тя, ся**. Энклитическая форма дательного падежа возвратного местоимения (себя) **-си** сохраняется в наречии **восвояси** (убираться восвояси), которое образовано путем слияния двух местоимений **своя + си** с предлогом **во**. Местоимение **своя** выступает в форме винительного падежа множественного числа среднего рода. Эта же форма (винительного падежа множественного числа среднего рода) от местоимения **весь** сохраняется в выражении **пуститься во вся тяжкие**.

Наконец дьячок уходит **восвояси** (А. Чехов). Убирайся-ка ты **восвояси** по добру по здорову (Ю. Нагибин).

2. В ряде фразеологизмов сохраняются старые формы личных и указательных местоимений: **се, сие, сей, оный, аз**: **Жить во время оно, и се аз умираю, и се аз воздам, сие от него не зависит, сию минуту, до сих пор, от сих до сих, ни то ни се, не от мира сего, быть по сему, ни с того ни с сего, по сей день, на сей раз, о том о сем, то ли, се ли**.

3. В устойчивых выражениях **эко горе, эка беда, эка оказия, эка благодать, эка досада, эка радость** форма **эко, эка** представляет собой сращение указательной частицы **э** с местоимением **кои** (коя, кое), в котором наблюдается редукция конечного **и**. Древнерусское местоимение **кои** (коя, кое) продолжает употребляться во фразеологических выражениях типа **на кой шут, на кой черт, на кой хрен, на кой ляд, ни в коей мере, ни в коем случае, ни в коем разе, в кои-то веки, в кои-то годы**.

Амвросий, живший во время оно в царстве польском, был погребен рядом с аббатом (А. Чехов). Я думаю, чем **ни то ни се**, ни два ни полтора, так уж лучше за старика (А. Чехов.) **И се аз воздам** (Л. Толстой). Но солдат — везде солдат. **То ли, се ли** — виноват (А. Твардовский). Ирине рассердиться **ни с того ни с сего** ничего не стоит (В. Крюков). **Эка благодать** — от Москвы до Америки рукой подать (пословица). — **Эка досада!** Забыл дома запасные крючки. — **На кой** они тебе? — Авось пригодятся (Ф. Гулинов).

4. Архаичной является древнерусская краткая форма определительного местоимения **всяк, всяка, всяко**, выступающая в следующих фразеологических единицах: **всяк кулик свое**

болото хвалит, всяк добр, да не на всякого; на всяку беду страху не напасешься, не всяко лыко в строку; всяк сверчок знай свой шесток.

г) В именах числительных

Форма двойственного числа от числительного два (двою), изменившаяся под влиянием форм двойственного числа имен существительных в дву (волку, жену, селу), входит в состав сложных слов. Некоторые из них являются составным компонентом фразеологизмов, например: **двуликий Янус**, **создавать двусмыслицу**, **двуглавый орел**, **двузначные числа**, **двурогий черт**.

II. ГЛАГОЛЬНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ

а) В спрягаемых формах

Сопоставление глагольных форм древнерусского и современного русского языков свидетельствует о довольно существенных изменениях, происшедших в системе глагола. Ряд глагольных форм исчез из свободного употребления, но в устойчивых выражениях сохраняется вплоть до наших дней.

1. Остатки аориста (простого прошедшего времени) имеют место во фразеологизмах: язык **прильпе** к гортани (аорист третьего лица, единственного числа), **погибоша** аки обри (третье лицо, множественное число), **своя своих не познаша** (третье лицо, множественное число), **своя своих побиваша** (та же форма), **еже писах, вкусих** мало меду (первое лицо, единственное число):

Я, несмотря на все усилия, не мог произнести ни звука, как говорится, **прильпе язык к гортани** (И. Тургенев). Надо французов взять, чтобы **свои своих не познаша и свои своих побиваша** (Л. Толстой).

2. Формы имперфекта, второго простого прошедшего времени древнерусского языка, сохранились в следующих устойчивых сочетаниях: **еле можаху** (форма третьего лица, множественного числа), **ничтоже сумняшеся** (форма третьего лица, единственного числа):

Во время своего путешествия из Сахалина я достаточно привык к туманам и свежим ветрам и потому смотрю теперь на Черное море свысока и во время качки обедаю **ничтоже сумняшеся** (А. Чехов). — А как туда в пески малыша тащить? Я сам-то **еле можаху** (Ю. Трифонов).

В последнем примере, очевидно, вследствие полного забвения грамматического значения глагольных форм древнерусского языка по аналогии с формами глаголов первого лица, единственного числа, настоящего времени (пишу, читаю, могу) форма третьего лица, множественного числа имперфекта осмысливается как форма первого лица, единственного числа.

3. Архаичные формы второго лица, единственного числа, настоящего и будущего времени наблюдаются в некоторых устойчивых выражениях типа **всуде печешися** (второе лицо, единственное число), **его же не преjdeши, сим победиши**.

б) В неспрягаемых формах

Краткие формы древнерусских причастий, потеряв склонение, образовали новую грамматическую категорию — деепричастие. Остатки старых форм причастий имеют место во фразеологизмах.

1. Для современных деепричастий несовершенного вида характерен суффикс **-а(я)**. Однако этот суффикс мы наблюдаем и в деепричастиях, образованных от глаголов совершенного вида. Такие деепричастия, как правило, входят в устойчивые, неразложимые сочетания: **спустя рукава, повеся нос, очертя голову, разиня рот, скрепя сердце, высуня язык, выпуча глаза, сложа руки, развеся уши, засуча рукава, сломя голову**.

Попав впервые на ярмарку, я глаз не мог отвести от всякого дива. Возле каждой палатки подолгу простаивал, **разиня рот** (А. Саинян). На крыльцо вышла усатая кухарка и, **выпуча глаза**, сердито закричала... (М. Горький). Сколько я помню, мать моя никогда не сидела **сложая руки**: вечно что-то мыла, шила, пряла, чистила (В. Крюков). **Не сиди сложая руки**, так и не будет скуки (поговорка). Мы принялись за работу **засуча рукава**, и к приходу матери все уже блестело (Югов).

Использование суффиксов **-а(я)** в деепричастиях, образованных от глаголов совершенного вида, является свидетельством того, что в древнерусском языке суффиксы различались в зависимости от класса, а не вида глагола.

2. Действительные причастия женского рода и формы косвенных падежей мужского и среднего родов имели в древнерусском языке суффиксы **-уч (-юч), -ач (-яч)**. Остатки таких форм в современном русском языке отмечены в следующих

устойчивых выражениях: **жить припеваючи, русу косу чешучи или плетучи, делать что-нибудь играючи**. Указанные формы восходят к причастиям женского рода.

3. В древнерусском языке краткие причастия склонялись. Реликты бывшего склонения сохранились в современном русском языке в пословично-поговорочном материале: **либо мед пить, либо биту быть; кому повешену быть, тот не утонет**.

III. СРЕДИ НАРЕЧИЙ

1. В науке нет единой точки зрения в объяснении происхождения современных отглагольных наречий на **-мя (-ма)**, встречающихся во фразеологизмах типа **ревмя реветь, лежмя лежать, плашмя упасть, стоймя стоять, гормя гореть, дрожмя дрожать, вальма валить, ругмя ругать, летмя лететь, кишмя кишеть**. Однако большинство исследователей считает суффикс **-мя** отложением древних именных флексий дательного-творительного падежа двойственного числа.

В кустах змеи да гады всякие **кишмя кишат** (М. Салтыков-Щедрин). Руки у Якова **дрожмя дрожат**, стоит, слова не вымолвит (А. Чехов). Лес **гормя горит** — только авиация и поможет (Б. Зубавин). Не удержавшись, Алексей сорвался со скалы и упал в воду **плашмя** (Югов).

2. Остатком именительного-винительного падежа двойственного числа является форма существительного **очи** в выражении **смежить очи**. Такого же происхождения и современная наречная форма **воочию** в выражении **убедиться воочию**, образовавшаяся от существительного **око** и застывшая в форме местного падежа двойственного числа с предлогом **в**.

3. Остатком древнерусской формы дательного падежа множественного числа бывших основ на **о** является наречие **поделом** в выражениях: **и поделом ему, это тебе поделом**.

Оторвался ты, Григорий, от нас, забыл старую дружбу, зазнался. Ругают тебя рабочие, и **поделом** (О. Зив).

*
* *
*

Итак, грамматические архаизмы в составе фразеологических единиц свидетельствуют о сохранении в языке элементов старого качества.

Остатки архаичных форм не представляют в современном языке никакой системы. Они случайны и не связаны друг с другом.

Наблюдения над ними позволяют представить процесс развития языка, а также проследить изменения отдельных грамматических категорий.

Из архаичных форм внутри фразеологизмов более распространены именные формы (имен прилагательных, существительных, местоимений, числительных), чем глагольные.

ЭЛЕМЕНТЫ ЦВЕТОПИСИ У М. ГОРЬКОГО (на материале рассказов «По Руси» и «Сказок об Италии»)

В изобразительном искусстве цвет является одним из важнейших средств раскрытия идейного содержания художественной выразительности и образности.

Человеческий глаз радуют краски. Он способен различать огромное количество цветов и цветовых оттенков. У каждого человека есть любимые цвета, которые он предпочитает другим. Одних радуют теплые тона, другим нравятся спокойные, холодные краски.

В художественных произведениях многие писатели широко употребляют цветопись в качестве изобразительного средства. Для выражения цветовой гаммы и ее многочисленных оттенков мастера художественного слова в большинстве случаев используют имена прилагательные, которые вместе с определяемым словом и создают соответствующий образ действительности. Наряду с именами прилагательными цветовая характеристика может передаваться и другими частями речи — именами существительными, глаголами, наречиями. Ср. краснота, желтизна, багрец, золото; краснеть, желтеть, алеть; рдяно, багрово, желто и др. Однако определения-прилагательные, обозначая цвет, усиливают зрительное впечатление от образа, что, очевидно, и способствует предпочтительному их употреблению для передачи цветовой гаммы.

В исследуемых произведениях М. Горького цветовые определения, выраженные именами прилагательными, также занимают ведущее место (95%), остальные части речи (глагол, наречие, существительное) в цветописи составляют только 5%. По частоте употребления и многообразию функций первое место у М. Горького занимают имена прилагательные, обозначающие основные цвета спектра — красный, желтый, зеленый, оранжевый, синий, голубой и их многочисленные оттенки.

В данной работе мы ограничимся рассмотрением двух элементов цветового спектра — красного и желтого — любимых теплых тонов писателя — и их синонимов. Оба эти цвета

очень близки между собою, часто перекрещиваются и сопровождают друг друга. Сравни: огненный, оранжевый, рыжий, кирпичный, сурик (овый) и др.

Хотя слово **красный** встречается у М. Горького вдвое чаще, чем **желтый**, начнем описание употребления желтого цвета, обладающего более разнообразными функциями и более богатыми синонимичными оттенками, чем **красный** цвет.

Следует также оговориться, что использование данных цветowych эпитетов в исследуемом материале далеко не исчерпывает всех их функций в других, более поздних произведениях писателя.

ЖЕЛТЫЙ

В толковом словаре прямое значение слова **желтый** определяется как «один из основных цветов солнечного спектра, средний между оранжевым и зеленым»¹.

Горький в основном и использует этот цветовой эпитет в своем прямом значении. Обозначая нечто среднее между оранжевым (теплым тоном) и зеленым (холодным тоном), определение **желтый** у Горького применяется, с одной стороны, для характеристики чего-то яркого, светлого, солнечного, радостного, приятного глазу; с другой стороны, — невзрачного, поблекшего, увядшего, скучного, не радующего глаз. Такая двуплановость в значении слова **желтый** является характерной для творчества М. Горького и свободно ощущается благодаря употреблению в том же контексте других определений со значением цветописи. Однако и другие дополнительные компоненты в тексте могут способствовать различению двоякой характеристики, заключенной в значении слова **желтый**: глаголы с определенной семантикой, в сочетании с которыми значение слова **желтый** приобретает яркость красок или тускнеет, блекнет; сравнения с конкретными предметами действительности, способствующие проявлению того или иного значения слова **желтый**, а также общий опыт людей, их интуиция. Так, возьмем для сравнения описание осенней природы:

С голой степи мчится перебитая молотилками золотая солома, на площади казачьей станицы крутятся серые вихри, летает сожженный солнцем **желтый** лист (XI 124). Осень. **Желтый** лист зябко трясется на них

¹ Словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР. Т. IV. М.—Л., 1955, стр. 67.

(дубах) (XI 192). Осыпались, падали на землю **желтые** листья (XI 54).²

На фоне серой пыли, да еще и сожженные солнцем, желтые листья, естественно, выглядят невзрачно, скучно, тоскливо, не радуют взгляд яркостью красок. Вообще желтые опавшие или опадающие листья свидетельствуют об увядании природы, о приближении холодной поры, ненастных дней, вызывают грусть о прошедшей поре цветения и тепла, хотя иногда и сохраняют яркость окраски.

То же можно сказать и о «желтых цветах» на фоне серой полыни, которые выглядят невзрачно, скучно и неприглядно и которым автор не дает даже названия:

Из оврага тянутся к солнцу зеленые прутья вербы, какие-то скучно **желтые** цветы и серая полынь (XI 82).

Но вот те же «желтые цветы» появляются в ином окружении, и сразу все краски меняются: в сочетании с глаголом «гореть» «желтые цветы» начинают переливаться красками, спят яркостью, вызывая приятное, радостное чувство.

Перед ним по серовато-лиловому камню острова переливается широкая гамма изумрудного и золотого, горят розовые, **желтые** и красные цветы (X 118).

Используя то же сочетание горящих «желтых цветов» на фоне красных, но уже не в прямом, а в переносном смысле, Горький создает очень образную метафоризацию языков пламени костра, что делает картину еще более яркой, красочной, зрительно ощутимой.

Костер — точно охалка красных маков, азалий и еще каких-то **желтых** цветов (XI 206).

Степь, освещенная солнечными лучами, у Горького тоже горит ярким желтым, обжигающим светом.

Степь почти вся в сухом **желтом** свете, кое-где среди нее вспухли сады, и от темных пятен **желтый** свет еще горячей (XI 155).

Слово **желтый** у Горького употребляется и в значении «зрелый, спелый».

Желтые, зрелые плоды выделяются на фоне темной зелени яркими светлыми пятнами, вызывая приятные зрительные ощущения. Горький усиливает это впечатление яркости срав-

² Цитируется по: М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1949—1955. Римскими цифрами обозначается том, арабскими — страница. В цитатах сохранена орфография используемого издания.

нением готовых плодов то с янтарными глазами совы, мерцающими в темноте, то со звездами, жарко горящими в темную летнюю ночь.

В темной зелени садов острова разгораются золотые шары апельсин, **желтые** лимоны смотрят из сумрака, точно глаза огромных сов (X 129). Сквозь поток зелени приветливо улыбаются золотые, красные и белые цветы, а **желтые** и оранжевые плоды напоминают о звездах в безлунную жаркую ночь (X 46).

Слово **желтый** находим мы у Горького и применительно к цвету одежды: желтый платок, желтая юбка, желтая шляпа, желтая кофта, желтые канты на куртке, желтые перчатки, желтый шнур и др.

Обычно сочетание желтого цвета одежды гармонирует у писателя с другими цветами, создавая приятную для глаз цветовую гамму: желтое с синим, с черным, с лиловым, с зеленым.

Солдат в черной куртке с **желтыми** кантами и коротким ружьем за спиной (X 138). Вдова одета празднично: на ней синий жакет, **желтая** с зелеными цветами юбка и пунцовый платок (XI 228). Тощий господин в сером пальто рассказывал даме с лиловым бантом на **желтой** соломенной шляпе (XI 118).

Эпитет **желтый** применительно к цвету одежды всегда используется Горьким однопланово. Это спокойный, приятный светлый цвет, импонирующий авторскому вкусу. Поэтому не случайно при отсутствии другого цветового фона в данном контексте деталь одежды желтого цвета остается яркой, запоминающейся, бросается в глаза.

Огонь, играя, освещает бабу в **желтой** кофте (XI 106). Я вижу над кустами ее голову в **желтом** платке (XI 9). ... в руке **желтая** перчатка, он ею отбивает на колене такт. (X 99).

В исследуемом материале наблюдается и переносный смысл слова **желтый** — «одет во что-то желтое». Кроме того, в одном из следующих примеров (первом) происходит и семантический сдвиг в значении слова **желтый** — процесс субстантивации:

Вечерами она вместе с этой — в желтом платке — уходила за барак и пела высоким сердитым голосом; **желтая** обычно молчала (XI 9—10). Ныряя в воздухе, **желтая** голова исчезла (XI 10).

Довольно широко Горький использует слово **желтый** для характеристики человека: цвета зубов, волос, лица, цвета

кожи. Двуплановость значения слова **желтый** здесь не всегда хорошо различима, но она, несомненно, имеется.

Желтый цвет кожи может означать «не белый, а смуглый» естественный цвет:

Двое молодцов, лет пяти и трех, молча тискают грязь **желтыми** ногами (XI 213). Был этот Лукьянов маленький, черноволосый, из крещеных евреев... лицо — **желтое**, а глаза точно шилья (XI 198).

Но слово **желтый** применительно к характеристике человека может обозначать и признаки его увядания, старости, нездоровья, когда кожа блекнет, становится дряблой, неприятной для зрительного восприятия.

Подошел матрос с погашенными глазами на **желтом** лице (XI 103). Дочери его уже под 30 лет. Она **желтая**, рыхлая, как творог (XI 255). Он ходит без шапки, у него **желтая** — во всю голову — лысина, широкий, серый нос, старая кожа на лице и шее ноздревата, как пемза (XI 153). — Ты что это какой **желтый**, а? В чем дело? (XI 201).

Желтые зубы также не вызывают приятных эмоций. Желтизна на зубах означает, что зубы нечищены, обросли зубным камнем, потеряв свой естественный блеск и белизну, либо что они уже старые, прокуренные, покрытые никотином.

Рот его приоткрыт. Видны **желтые**, неровные зубы (X 78). — Так точно, — с радостью ответил старик, растянув темные губы до ушей, показывая два **желтых** клыка (XI 314). Баба глухо мычит, обнажив **желтые**, волчьи зубы (XI 11).

Сочетанию **желтые** глаза Горький придает переносный смысл, сравнивая лучи прожектора приближающегося в темноте паровоза с желтыми немигающими гневными глазами, уставленными в одну точку и вызывающими жуткое, неприятное чувство.

Медленно приближаясь, луч двоится, и вот он стал похож на чьи-то **желтые**, жуткие глаза, они дрожат в гневном возбуждении (XI 280).

Предпочтение желтого цвета другим цветам сказывается у автора и в том, что он окрашивает в желтый цвет все предметы, попадающие в поле его зрения: чаша желтая, и блюдо желтое, и ящик желтый, желтые буквы на вывеске, желтый мост, бумажный кулек, желтое казначейство, тюрьма и др. предметы.

По длинной полосе изогнутой вывески ползает **желтые** крупные буквы (XI 109). На коленях ее

лежали апельсины в **желтом** бумажном мешке (XI 308). Мальчик быстро выскочил с большим **желтым** блюдом в руках (X 16). Мне видно весь город, с его пестрыми церквами, **желтой**, недавно окрашенной тюрьмой и **желтым** казначейством (XI 51).

Желтого цвета у Горького и все вновь построенные деревянные строения, срубы, так как свежеструганное дерево всегда светлое, чистое, радует глаз, пока оно не подверглось воздействию воздуха, влаги и ветра.

Яркие отблески огня лизали **желтый** тес стены (XI 162). В двух местах этой чернобурой площади прорезались, как два зуба, новые, **желтые** постройки (XI 90). Стучат топоры, загоняя железные скобы в **желтое**, гладко выструганное дерево (XI 26). В центре земли — три **желтые** шишки, три новенькие избы, — очевидно выселки из какой-нибудь деревни (XI 294).

Желтый цвет послужил Горькому для оригинальных сравнений, в основу которых положены конкретные предметы из окружающей нас действительности. Так, желтый мост точно из репы вырезан, желтый тес как масло, песчаная отмель как желтый лоскут атласа, желтые четырехугольники домов как бубновые тузы на спине арестантов, огни ламп как желтые кувшинки и др.

Новый мост висит над нею [рекою], мост **желтый**, точно из репы вырезан (XI 213). Работы оставалось на два часа, уже весь горб ледореза обшит **желтым**, как масло, тесом, осталось только наложить толстые железные связи (XI 26). В зеленоватую воду моря брошена — как **желтый** лоскут атласа — маленькая песчаная отмель (XI 400). Эти **желтые** четырехугольники — как бубновые тузы на спине арестантов (XI 51).

Индивидуальной чертой горьковской цветописи является контаминация желтого цвета с каким-нибудь другим цветовым эпитетом при описании предметов или явлений действительности: желто-красный, желто-огненный, желто-зеленый, серовато-желтый и др.

На крыше бани **желто-зеленый** мох (XI 359). В ней [разорванной сети деревьев], точно пойманный, прыгает **желто-красный** горный дятел-расудук, стучит черным носом по коре ствола (XI 7). Солнце запуталось в **серовато-желтых** дымных тучах, за серебряною рекою (XI 51). Приветливо сияют золотые кресты —

желто-огненные птицы всегда немного, сказочного леса (XI 64).

Горький использует и производное от **желтый** определение — **желтоватый**. **Желтоватый** — значит светлый, но не белый, а с примесью желтизны, иногда мутный, неясный: желтоватая молодая листва, желтоватая водка, желтоватые наличники окон; желтоватые слезы, туман желтоватый от пробивающихся лучей солнца, дым желтоватый и т. д.

В центре стола — четвертная бутылка **желтоватой** водки, настой на сорока травах (XI 266). Всюду сверкают крупные капли дождя — топазами на **желтоватом** молодом листе винограда, аметистами на гроздьях глициний, рубинами на кумаче герани (X 147). Говорит он, а из глаз бегут одна за другой мелкие, **желтоватые** слезы (XI 252). Земля дымится (как после пожара) **желтоватым** удушливым дымом (X 22).

Наряду со словом **желтый** Горький широко использует и его синоним — **золотой**, который в количественном отношении несколько уступает нейтральному слову синонимичного гнезда — **желтый** (71 р.). **Золотой** — 48 р., **золотистый** — 21 р., **золото** — 2 р.

Эпитет **золотой** в отличие от слова **желтый** Горький использует только в одном аспекте. Это всегда что-то светлое, ясное, сияющее, блестящее, приятное, радующее глаз. Кроме того, больше половины примеров с ним имеют переносное значение, тогда как слово **желтый** в основном использовано в своем прямом значении.

Определение **золотой** Горький применяет в описании мира природы, а также небесных светил со значением «блестяще-желтого, янтарного, искристого, слепящего»: золотая солома, стружка, золотые цветы дрока, шары апельсин, золотая пшеница, золотая река, золотые брызги воды; звезды золотые, солнце золотое, лучи его тоже золотые.

В темной зелени садов острова разгораются **золотые** шары апельсин (X 129). От камней острова поднимается в небо сизый туман, насыщенный сладким запахом **золотых** цветов дрока (X 117). С голой степи мчится перебитая молотилками **золотая** солома (XI 124). Глаза, блуждая в **золотом** море пшеницы, ищут колокольни, поднятой в небо, как мачта корабля (XI 212). Сильным размахом шлепнул его [картуз] в воду **золотой** [от солнца] реки. (XI 168). В небе неподвижно торчат черные деревья, закрывая **золотой** Млечный путь (XI 44). Рыжая степь облита **золотым**

солнцем (XI 130). **Золотые** искры солнечного света вспыхивают и гаснут в полных каплях хрустальной росы (X 122).

Аналогично используется определение **золотой** к цыплятам, водке, куполам колокольни и др.: золотые, пушистые цыплята, золотая водка в рюмках, золотые купола колокольни.

В этом же значении нам встретился один случай с семантическим сдвигом в значении слова **золотой** — субстантивированным именем прилагательным в качестве несогласованного определения, а также один случай с именем существительным **золото** в качестве дополнения.

Перед ним по серовато-лиловому камню острова переливается широкая гамма изумрудного и **золотого**, горят розовые, желтые и красные цветы (X 118). Каштаны надо мною убраны **золотом** (XI 7).

Определение **золотой** у Горького часто применяется для характеристики огня на темном фоне ночи.

Город встречает нас **золотыми** огнями (X 144). За пароходом текут **золотые** отражения его огней (XI 108). Над костром летают **золотые** искры (XI 166). Плающая головня сеяла **золотые** искры (XI 180).

Эпитет **золотой** Горький употребляет и для характеристики человека: цвета его волос, ресниц, глаз в значении «огненный, блестящий», а также «светло-желтый».

Простое лицо в **золотом** венце кудрей (XI 84). У нее мелкозавитые, **золотые** волосы на голове (X 161). Тонкие икры стройны, белы, как у женщины, и покрыты **золотым** пухом (XI 75). Отец следит за нею из окна станции или перрона и кусает усы, прикрыв **золотыми** ресницами воспаленные глаза (XI 284). В его прищуренных глазах светились **золотые** искорки (XI 404).

Вкладывая в слово **золотой** переносное метафорическое значение, Горький создает ряд свежих сравнений: луна как **золотой** леток, звезды — как **золотые** пчелы, огоньки свеч напоминают **золотых** мух, огни города — **золотое** ожерелье, стройный человек — гвоздь с **золотой** шляпкой, солнечный свет льется, как **золотой** дождь, люди во времени мелькают, как **золотые** пылинки, огни свеч похожи на **золотых** мотыльков.

Над степью — луна, как **золотой** леток, в синем небе тихонько кружатся звезды — **золотые** пчелы (XI 395). Над толпою **золотыми** мотыльками трепещут

желтые огни свеч (X 126). **Золотыми** пылинками в красном луче солнца мелькают во времени люди (X 134). Он [Сашка] такой тонкий, точно гвоздь с **золотой** шляпкой (XI 367). **Золотым** дождем льется солнечный свет — **золотые** нити протянуты в воздухе (X 77). Огни городов — **золотое** ожерелье залива (X 124). Блестит золото иконостаса, стекла киотов отражают огоньки свеч, похожие на **золотых** мух (XI 358).

Производное от **золотой** определение **золотистый** имеет значение «отливающий золотом или с золотым оттенком». В таком значении его использует Горький для характеристики мира природы, природных и атмосферных явлений: золотистая трава, золотистая рябь воды, золотистый воздух, золотистый огонь солнца, золотистая луна и т. д.

Луна, доселе **золотистая**, бледнея, опыляется серебром и уходит все дальше от земли (XI 113). В **золотистом** огне июньского солнца жутко качалось темное пятно, прильнув к серому кресту (XI 88). Тепло вздыхает ветер, стремясь за рекой, покрывая воду **золотистой** рябью (XI 227). Прибой набросал на камни волокна пахучей морской травы — рыжей, **золотистой** и зеленой (X 59).

В описании природы слово **золотистый** Горький сочетает с другим цветовым определением, тем самым придавая ему большую смысловую нагрузку: золотисто-огненный, золотисто-красный, золотисто-рыжий.

Вдали виднелся **золотисто-красный** холм (XI 84). Глаза его видят **золотисто-рыжие** водоросли на дне морском (X 114). Наш склон залит солнцем, он покрыт **золотисто-рыжей** парчой и дышит сладким запахом иссохших трав (XI 154). Казалось, они [вершины гор] тают и текут **золотисто-огненными** потоками на степь (XI 134).

Слово **золотистый** применяется автором и к человеку: а) к характеристике его внешности, б) к характеристике деталей одежды.

а) У нее чудесная толстая коса **нежнозолотистого** цвета (XI 360). Мальчик с **золотистой** родинкой, так похожей на пчелу (XI 82). Сухонький, тощий, он постоянно встряхивал вихрастой рыжей головой и, прикрывая серые глаза **золотистыми** ресницами... Весело сверкают в синеватых белках **золотистые** зрачки (XI 403). Охватив **золотистую** голову, он катится по земле

к забору (XI 76). б) Шла она босая, накинув на широкие плечи что-то **золотистое** — кофту или шаль (XI 52). Идет женщина в бледно-голубом платье, на ее черных волосах **золотистый** кружевной шарф (X 10). На ее плечах накидка **золотистого** шелка (X 78).

Синонимичный ряд к слову **желтый** Горький пополняет еще и словом **рыжий**. **Рыжий** — значит «желтый с красным оттенком». Слово **рыжий** встречается в упомянутых произведениях 50 раз, **рыженький** — 3, **рыжеватый** — 11 раз и **рыжегато** + другой цветовой эпитет — 2 раза.

Эпитет **рыжий** в основном имеет прямое значение. Около половины примеров со словом **рыжий** относится к характеристике человека — цвета волос, усов, бороды, бровей, ресниц, глаз.

Околочный — сухонький человечек с маленьким лицом и **рыжими** усами в стрелку (XI 38). Он надул щеки, ошетинился **рыжим** волосом и, красный, точно после драки, закричал... (XI 62). Заходящее солнце красиво освещает его **рыжие** вихры (XI 366). Его **рыжие** глазки смотрят вниз по съезду на синеватый кусок реки (XI 254). Его **рыжие** брови вздрагивали (XI 337). На подбородке висят нити серых, **рыжих** и желтых волос (XI 67).

Определение **рыжий** настолько ярко, заметно, броско при характеристике человека, что автор довольно часто переносит его на весь облик человека.

Сашка, наборщик, мой товарищ, **рыжий**, с зелеными глазами ящерицы (XI 353). **Рыжая** женщина спокойно говорит нечто такое, от чего даже солидный муж начинает смеяться (XI 267). **Рыжий** орловец и вертлявый паренек насаждают на него [старика] (XI 148). За ним выпрыгнул **рыжий** круглый мужчина с брюшком, в костюме альпиниста и в шляпе с зеленым пером (X 91). А за ним шел Иона, угрюмый, **рыжий**, с нависшими бровями (XI 49). Большой **рыжий** мужик медленно рассказывает голосом густым, как деготь (XI 129).

В одном случае слово **рыжий** подвергается процессу субстантивации в том же значении, что и в вышеуказанных примерах.

А высокий подступил вплоть к **рыжему**, одним ударом по виску сшиб его со спины парня и, обращаясь ко всем, поучительно сказал: «Это — по-тамбовски» (XI 133).

В синонимичном определении **рыжий**, как и в слове **желтый**, намечается двуплановость значения: 1) яркий, огненный, слепящий глаза (см. все вышеприведенные примеры) и 2) тусклый, побуревший, порыжевший от изношенности, от долгого употребления, выгоревший на солнце и поэтому потерявший яркость окраски. С таким значением мы сталкиваемся при отнесении данного эпитета а) к характеристике одежды человека:

Чьи-то ноги в **рыжих** истоптанных сапогах поравнялись с моим окном (XI 326). Один [бродяга] — в серой солдатской шинели и шляпе с порванным верхом; другой — в **рыжем** кафтане и плисовой скуфье (XI 189). Тут едет маленький человек в **рыжем** пиджаке, сапоги грязные — видал? (XI 105). Лежал он на палубе, накрывшись старым **рыжим** армяком (XI);

б) к картинам знойного лета или увядающей осенней поры:

Рыжая степь облита золотым солнцем (XI 130). Он смотрит вдаль, за синюю полосу реки, на **рыжие** луга, на черный, встрепанный осенним ветром кустарник (XI 362). Торопливо бежит ручей, унося красный и **рыжий** лист. (XI 191). У церковной ограды сухой **рыжий** бурьян (XI 126). В углу двора, покрытого ковром **рыжей**, выгоревшей притоптанной травы, скрипнула дверь (XI 56). Песок там усыпан сухой **рыжей** хвоей (XI 42).

Этот же смысловой план сохраняется и в переносном значении в своеобразном сравнении раскаленной солнцем, выжженной степи со сковородкой:

Степь раскалена солнцем, как нагретая сковорода, посередине этой **рыжей** сковороды жарюсь я (XI 385).

Рыжий в значении «огненный, яркий, блестящий» используется Горьким применительно к окраске шерсти животных, оперения птиц:

Губин уже вывел во двор жирную **рыжую** лошадь (XI 59). Солидные **рыжие** петухи напоминают пожарных (XI 90).

Слово **рыжий** Горький использует и в значении «крепкий, густонастоенный»:

...принялся схлебывать губами **рыжий** чай с блюда (XI 73). Угостила меня густым **рыжим** чаем (XI).

Рыжий — значит также темно-желтый, мутный, бурый,

ржавый, порой — неприятный для зрительного ощущения. Например, рыжая вода, водоросли, рана на теле и т. д.

Сверху через крыши вливается глухой шум бешеных волн **рыжей** Куры (XI 150). Он смотрел на **рыжую** воду Камы, на изумрудное Закамье, в серебряной чешуе мелких озер (XI 168). Прибой набросал на камни волокна пахучей морской травы — **рыжей**, золотистой и зеленой (X 59). Мне казалось, что я вижу, как распухает его нога, — вся ступня у него какая-то **рыжая**, точно кусок ржавого железа (XI 327).

Производные от **рыжий** — **рыженький** и **рыжеватый** — Горький употребляет исключительно для описания окраски волос, иногда перенося на весь облик человека:

Рыжеватая шерсть на лице парня зашевелилась (XI 112). Истертый череп Губина, длинный, точно у дятла, нос и серые щеки в **рыжеватой** щетине (XI 44). Платок сбился, вечерний ветер тихо перебирал **рыжеватые** тонкие волосы, осыпавшие ее потемневшее острое лицо (XI 87). Барышня **рыжеватая** и белая, как фарфор с золотом (XI 198). Он жил с дочерью, шестилетней **рыженькой** девочкой (XI 283). **Рыженькая** женщина встряхивает кудрями (XI 268).

Определение **рыжеватый** встречается у Горького и в сочетании с другими цветовыми эпитетами (всего два случая) при описании картин природы:

Я промолчал, глядя на песок берега, окрашенный пламенем заката, и дальше — в пустоту **рыжеватозолотых** лугов (XI 308). На сочном фоне зелени горит яркий спор светло-лиловых глициний с кровавой геранью и розами, **рыжеватожелтая** парча цветов молочая смешана с темным бархатом ирисов и левкоев (X 147).

В синонимичное гнездо к слову **желтый** Горький относит еще и такие цветовые эпитеты, как **оранжевый**, **огненный** и **солнечный**. Эти цветовые оттенки составляют очень незначительный процент по своему употреблению: **оранжевый** — 8 раз, **огненный** — 4 раза, **солнечный** — 2 раза.

Все три цветовых оттенка имеют одноплановое значение. **Оранжевый** — средний между красным и желтым; желтый с красным оттенком. Это яркий цвет, переливающийся, слепящий глаза, используемый автором для окраски плодов, цвета одежды, луны и лучей заходящего солнца.

Желтые и **оранжевые** плоды напоминают о звездах в безлунную жаркую ночь (X 46). Достав из

мешка **оранжевый** плод, она внимательно осмотрела его (XI 308). Зиночка в **оранжевом** с зелеными лентами капоте, хозяйка в мантии цвета бордо (XI 266). . . . а над ушами, на гладких волосах — бантики **оранжевого** цвета (XI 276). Из-за края стены выкатился в небо **оранжевый** жернов луны (XI 234). Стволы берез красны от вечерней зари, в ней все плавится и, теряя очертания, течет широкими ручьями красного, **оранжевого**, синего, а на горе стоит черный ельник (XI 106).

Огненный цвет тоже средний между красным и светло-желтым, цвет яркий, радостный, слепящий глаза. С огненным цветом у Горького связано все то, что переливается тонами, горит, пылает в прямом и переносном смысле.

Огненные волосы — как сияние вокруг головы, красное толстое лицо сердито надулось, рот открыт (XI 225). Небо расцвело **огненным** цветом (XI 227). Солнце горит в небе, как **огненный** цветок, и сеет золотую пыль своих лучей на серые груды скал (X 121). Осыпая искрами это искаженное и жалкое лицо в красных полосках влажно блестящей крови, человек рисовал головнею в воздухе над ним **огненный** венец (XI 180).

Солнечный оттенок — это ярко-желтый с золотистым отливом. Цвет ласковый, светлый, мягкий, приятный, успокаивающий.

В южных широтах уже расцвел миндаль, **солнечными** цветами вспыхнул кизил, появились подснежники, загорелись лиловым огнем крокусы (X 117). Здесь все — от мебели до людей — как-то особенно интересно, красноречиво и все облито ласковым, почти **солнечным** светом ярких ламп, затененных оранжевыми абажурами (XI 241).

Характерной чертой горьковской цветописи является параллельное использование в одном и том же контексте синонимичных цветовых определений либо для характеристики одного и того же предмета или явления, обладающего различными цветовыми оттенками, либо, чаще, для характеристики разных предметов, не противопоставленных в цветовом отношении, а наоборот, сближающихся, гармонирующих, образующих одно цельное зрительное впечатление. Например, горят золотые и желтые цветы, улыбаются желтые и оранжевые плоды, рыжая и золотистая трава, рыжие и желтые волосы; солнечный свет ламп затенен оранжевым абажуром, рыжеватая щетина освещена желтым огнем лампы, рыжая

степь облита золотым солнцем, рыжая голова и золотистые ресницы, золотые мотыльки желтых огней и т. д.

На подбородке висят прямые нити серых, **рыжих** и **желтых** волос (XI 67). В дверях, прячась за темной портьерой, стоит тоненькая, стройная горничная, с **золотой** змеиной головкой, в кружевной наколке на **рыжих** волосах (XI 249). Прибой набросал на камни волокна пахучей морской травы — **рыжей, золотистой** и зеленой. (X 59). **Желтые** и **оранжевые** плоды напоминают о звездах в безлунную жаркую ночь (X 46). Тепло вздыхает ветер, стремясь за рекой, покрывая воду **золотистой** рябью; ... на солнце трепещут **желтоватые** мотыльки новорожденных листьев (XI 227). С голой степи мчится перебитая молотилками **золотая** солома, на площади казачьей станицы крутятся серые вихри, летает сожженный солнцем **желтый** лист (XI 124). Над толпой **золотыми** мотыльками трепещут **желтые** огни свеч (X 126).

КРАСНЫЙ

Цветовое определение **красный**, как уже указывалось выше, в исследуемом материале встречается гораздо чаще, чем **желтый**. Синонимичный ряд его хотя и разнообразнее, но смысловые оттенки не отличаются многоплановостью. Обычно синонимы представляют собой лишь различные оттенки цветовой гаммы **красного**, что сужает возможности употребления их в разнообразных функциях по сравнению со словом **желтый** и его синонимами.

О предпочтении **красного** цвета другим цветам мы находим признание самого М. Горького. Так, в одном из писем к А. А. Дивильковскому он писал: «Люблю веселый, яркий, **красный** цвет»³.

Слово **красный** у Горького имеет преимущественно прямое значение. «**Красный** — имеющий окраску одного из основных цветов радуги: цвета крови и его близких оттенков»⁴.

Но оно встречается у М. Горького и в переносном смысле. Применительно к описанию цвета одежды и предметов домашнего обихода слово **красный** (23 р.) означает «яркое, броское, веселое». Везде здесь выдерживается одноплановость данного значения.

³ См.: сб. «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг.» М., 1957, стр. 58.

⁴ Словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР. Т. V. М.—Л., 1956, стр. 1595.

Вот и Зина, стройная брюнетка... в **красной** кофте (XI 363). Между маневрирующими локомотивами мелькают ее тонкие ножки в **красных** нитяных чулках (XI 283). Во двор вошел маленький мужичок в **красной** рубаше (XI 59). Она выходит в распашном капоте **красном** (XI 199). Маленький старичок повязан **красным** платком (XI 179). За спиной ее — тугая **красная** подушка (XI 391).

В двух случаях мы наблюдаем перенос значения с части на целое, т. е. от какой-нибудь детали одежды на всего человека в значении «одет в красное».

На широком стекле воды качались два гребца — **красный** и серый (XI 115). Все ближе к бараку подходили отрепанные люди в темном, сером и **красном** (XI 172).

В последнем примере слово **красный** подверглось процессу субстантивации. Субстантивацию мы наблюдаем еще в одном случае:

Его лысая голова туго повязана **красным** (XI 401).

Для характеристики цвета одежды и предметов домашнего обихода Горький использует и синонимичные слова к эпитету **красный** — **пунцовый** (1 р.), **кумачный** (3 р.), **бордо** (4 р.), которые в количественном отношении очень ограничены. **Пунцовый** и **кумачный** означают ярко-красный, **бордо** — темно-красный.

Вдова одета празднично: на ней синий жакет, желтая с зелеными цветами юбка и **пунцовый** платок (XI 228). Темная, **кумачная** наволочка подушки хорошо выделяла его круглое, голубовато-бледное, простое лицо (XI 84). Он одет в **кумачную** рубашу и синие нанковые штаны (XI 336). Одета она ослепительно: на ней **красная** кофточка, зеленый галстук с рыжими подковками, юбка цвета **бордо** (XI 276).

Широко использует М. Горький определение **красный** для характеристики внешности человека: губ, носа, щек, глаз, лица, шеи, цвета кожи, ее изъянов (46 р.).

Сидит парень-богатырь; безбородый, безусый, пухлые **красные** губы, голубые детские глаза (XI 209). Надув **красные** щеки, пошевелив усами, поручик сказал... (XI 95). У старика нос **красный**, руки бронзовы от загара (X 24). Дьякон поднес к его лицу огромный, **красный** кулак и громко сказал: «Это твое дело!» (XI 350). Из окна высунулась лысая, **красная** голова Петра (XI 58). На измятых щеках светятся

красные жилки (XI 48). Я вижу круглое, **красное** лицо угрюмого Изета (XI 407). Хоть и сквозь слезы, но я вижу — он весь **красный** и уже недоволен миром, барахтается, буянит и густо орет, хотя еще связан с матерью (XI 12).

В вышеуказанном значении мы находим и следующие синонимы: **малиновый** (1 р.), **алый** (2 р.), **багровый** (6 р.), **кирпичный** (1 р.), **кумачный** (1 р.). **Малиновый** — темно-красный с фиолетовым оттенком; **алый** — светло-красный, ярко-красный; **кирпичный** — желто-красный; **багровый** — густо-красный с слабым синеватым оттенком.

У толстяка пухлые **малиновые** губы (X 91). С каким недоумением смотрели на меня и Юдина темные глазки девочки, как вздрагивал в улыбке огорчения ее **алый** рот, похожий на цветок (XI 288). У нее было больное, **кирпичное**, многолетнее пьяное лицо (XI 92). Сухомяткин расправляет влажные бачки на **кумачных** огрузлых щеках (XI 266). Щеки у нее были **багровые** (XI 133).

В данном значении слова **красный** и его синонимов уже можно наблюдать двуплановость. В одних случаях — это яркий, свежий, приятный для глаз, здоровый цвет; в других — цвет неприятный, отталкивающий, нездоровый. Ср.: красные, алые или малиновые губы, пышущие здоровьем красные щеки, красное здоровое лицо, руки, налитые силой, и красный нос пьяницы или красное от пьянства неприятное лицо, багровая опухоль, слезящиеся красные глазки, угреватое красное лицо, кумачные огрузлые щеки и др.

Иногда Горький при характеристике человека этим цветовым эпитетом указывает на причину красноты, тем самым как бы сглаживая неприятное впечатление.

Молодая баба с **красным** от ветра лицом (XI 209). Василий поглядел на **красное** перед огнем его лицо и сказал... (XI 164). Он смотрел мертвым взглядом **красных** от бессонницы глаз на баржу (XI 115). Оба, **красные** от смеха, фыркают, не в силах сдержать его (XI 273). Брызнули мутные слезы и потекли по **багровому** натужно надутому лицу [роженицы] (XI 11).

В двух случаях слово **красный**, сочетаясь со словом **глаза**, имеет не прямое, а переносное значение. «Красные глаза» — это отсветы заходящего солнца в окнах; «красное око» — огонь маяка в порту.

Холодно горит белый маяк неаполитанского порта и сверкает **красное** око Капо ди Мизена (X 124). В темной воде Чангула еще отражался пожар вечерней

зари, камышовая крыша мельницы блестела, как парча, в степь, навстречу мне, сердито смотрели **красные** глаза двух окон (XI 387).

Контаминация красного цвета с другими цветовыми эпитетами встречается редко — всего три случая, причем в двух случаях — это сочетание слова **красный** — со зрительно усиливающими цвет эпитетами **темный** и **яркий**: кирпично-красный, темно-красный, ярко-красный.

Они [мухи] ползают по его седоватой бороде, по **кирпично-красной** коже неподвижного лица (XI 106). Из ноги в серенькую пыль улицы течет ручей **ярко-алой** крови (XI 323). Скуластое его лицо, изрытое какими-то **темно-красными** шрамами, спокойно (XI 67).

При характеристике лица человека Горький использует и глагольную цветопись: **краснеть (покраснеть), закраснеться, зарумяниться** (6 р.), что значит покрыться краской, румянцем.

Лицо **зарумянилось** немножко и точно светится изнутри (XI 16). Она почему-то **закраснелась** (XI 50). Поручик снова возбудился: лицо **краснело** (XI 98). — Ух! — воодушевленно крикнул он, надув щеки и **покраснев** от какого-то внутреннего усилия (XI 204).

Определение **красный** довольно часто применяется для характеристики различных явлений природы: красные зарницы, красное солнце, красные его лучи, красные облака, красная заря, красная от лучей заходящего солнца вода (20 р.).

Красные зарницы жгут ночное небо (XI 395). Большое **красное** солнце тяжело опускалось в море (XI 204). В спину ему уперлись **красные** лучи солнца (XI 367). Над станцией замедленно двигались **красные** облака (XI 134). В синей пустоте степи, влево от **красной** полосы зари, все еще не догоревшей, тяжело поднималась над землей большая, точно колесо, тускло-медная луна (XI 392). Апельсин закружился, исчезая в **красной** пене (XI 308).

Для передачи уменьшения, ослабления яркости красного цвета солнца Горький иногда присоединяет к слову **красный** эпитеты **мутный** или **тусклый** (два случая), а также суффикс — **оват(ый)**, который означает неполноту качества (6 случаев).

Солнце, похожее на огромную чечевицу, **тускло-красное**, еще не скрылось (XI 206). Оно [устье оврага] открывает еловый лес, куда опускается на ночь **мутно-красное** солнце (XI 65). **Красноватые** отсветы

блестят на стеклах окон (XI 330). Через забор, нагревая длинные, острые гвозди, смотрело мутное, **красноватое** солнце (XI 50). Горит вечерняя звезда, а ниже ее **красноватая** полоса зари (X 144).

Синонимия, используемая Горьким в описаниях природы, немногочисленна: **огненный** (1 р.), **багряный** (1 р.), **багровый** (1 р.), **кrovавый** (1 р.), **Огненный** — желто-красный, **багряный** — ярко-красный, **кrovавый** — багровый, **красный**.

Над ним [городом] еще не угасало **кrovавое** пламя заката (X 22). Небо расцвело **огненным** цветом. (XI 227). На **багровый** без лучей жар солнца можно смотреть не мигая, как на луну (XI 58). Все казалось насыщенным **красной** живой влагой, на остриях и метелках трав дрожала, светясь, **багряная** пыль (XI 101).

В двух случаях нам встретилось описание красного цвета в природе при помощи глагола **краснеть** со значением «отсвечивать, отливаться красным цветом» под воздействием солнечных лучей.

Капли влаги **краснеют**, отражая солнечный луч (XI 147). **Краснеют** сырые тучи в лучах солнца (XI 124).

И в трех случаях цветопись красного представлена именем существительным — тремя синонимами: **багрянец**, **кумач**, **рубин**.

В лучах яркая зоря; небо, расписанное жирными пятнами золота и **багрянца**, оскорбительно великолепно по сравнению с темными растрепанными людьми (XI 257). Всюду сверкают крупные капли дождя — топазами на желтоватом молодом листе винограда, аметистами на гроздьях глициний, **рубинами** на **кумаче** герани (X 147).

Определение **красный** у Горького служит для характеристики огня, языков пламени, огневых искр, отблесков и т. д.

В городе уже тревожно загораются голубые, желтые и **красные** огни (X 23). По камням, с треском рассыпая **красные** искры, прыгают огненные змеи (X 123). Иногда огонь потянет к речке, **красные** языки высунутся из-за угла барака, — кажется, что барак загорелся (XI 165). Все лицо его облилось **красным** отблеском огня папиросы (XI 181).

Из синонимов в данном случае используется только один — **алый** — и то в одном случае.

Он смотрел сквозь сизый дым табака на **алые** угли, они цвели на камнях, точно маки (XI 174).

В переносном смысле «огонь» Горький именуется «красным змеем».

Все шире и победоносней простирает крылья **красный** змей, пожирая тьму, истребляя смолистый лес (XI 55). На вершине ее [горы], извиваясь, ползет огненный змей, машет красными крыльями и тонет, поглощенный дымом (XI 53). В воздухе прыгают **красные** змеи [отблески праздничных ракет] (X 124).

Определение **красный** используется Горьким и при описании растительного мира — цветов, листьев (6 р.).

На длинных стеблях поднялись **красные** конусы странных цветов (X 154). **Красные** цветы тихонько гасят свой волнующий огонь (X 160). Торопливо бежит ручей, унося **красный** и рыжий лист (X 196).

Из синонимов в данном случае мы встречаемся со словами: **алый** (4 р.), **малиновый** (1 р.), **крававый** (1 р.).

На сочном фоне зелени горит яркий спор светло-лиловых глициний с **крававой** геранью и розами (X 147). Красно улыбаются встрече заре яркие цветы гвоздики и **малиновые** метелки шалфея (X 129). . . . Ярко улыбаются **алые** цветы гранат, всюду цветы, цветы (X 24).

В употреблении красного цвета нам встретился один случай использования наречного слова **красно**, которое можно понимать как в прямом значении, так и в переносном, восходящем к фольклору: это могут быть гвоздики красного цвета и вместе с тем красивые цветы, приятные цветы, тянущиеся к солнцу.

Красно улыбаются встрече заре яркие цветы гвоздики (X 129).

В описании природы слово **красный** везде имеет одноплановое значение — яркости, сочности, теплоты, веселой игры красок.

Окружающие предметы действительности Горький тоже окрашивает в любимый им веселый красный цвет: красная часовенка, красные кирпичи, церковь, крест, трамвайные билеты, дома, буквы на вывеске, стена и др. (17 р.).

В полукруге хат — криница, рядом с нею — **красная** часовенка (XI 213). Кое-где известь отвалилась, обнажив **красный** кирпич (XI 276). Сумрак прячет в теплом объятии своем белые и **красные** дома (X 23). Над **красным** крестом колокольни плавал ястреб (XI 101).

В этой группе имеется один синонимичный пример — «цвета сурика», т. е. красно-оранжевого или красно-коричневого цвета:

Две бутылки наливки: одна цвета **сурика**, а другая — купоросного масла (XI 359).

Слово **красный** у Горького имеет и терминологическое значение, входит в составную часть термина (5 р.): красное вино — сорт вина и Красное Домино — псевдоним фельетониста. В первом случае слово **красный** сохраняет связь с прямым значением — красного цвета вино. Во втором случае оно абстрагировалось, утратив значение цветописи.

Они пьют поочередно **красное вино** из горлышка бутылки (X 148). Старик внимательно льет в него [блюдо] **красную живую струю вина** (X 16). Ночью в типографию ввалился этот — фельетонист **Красное Домино**, конечно — пьяненький, как баба (XI 354).

В двух случаях слово **красный** введено Горьким во фразеологизмы. Это — выражение **красные буквы** в значении «начальные, заглавные буквы», в современном русском языке уже утратившее первоначальное значение окраски. Во втором случае — **красная песня без слов** — составная часть развернутой поэтической метафоры со значением веселящее, бодрящее душу красное вино — «кровь солнца».

Он отмахнул крышку переплета и, вода свечою над страницей, прочитал **красные буквы**: — Октоих... (XI 222). Чем прозрачнее стекло, тем лучше оно показывает душу вина, цвет всегда дополняет запах и вкус, доигрывая до конца ту **красную песню без слов**, которую мы поем для того, чтобы дать душе немножко крови солнца (X 133).

Используя переносное значение слова **красный**, Горький образует меткие сравнения, запоминающиеся своей красочностью и яркостью. Так, костер напоминает охалку красных маков, пенный след парохода в лучах заходящего солнца похож на красные кружева, сердце пылает, как **красный огонь**, а пролитие крови на поле брани приобретает гиперболический образ «красных рек».

Костер — точно охалка **красных маков**, азалий и еще каких-то желтых цветов (XI 206). Был вечер, на реке блестело отражение зари; пенный след парохода уплывал в синюю даль севера широкой полосой **красного кружева** (XI 308). Мне кажется, что в груди моей **красным огнем горит сердце** (XI 207). **Красные реки крови** текли от его [завоевателя] путей во все стороны (X 39).

Для цветописы Горького характерно совмещение в одном контексте двух контрастных определений — **красного** и **черного** цветов. Любимый им яркий, веселый красный цвет противопоставляется темному, мрачному, даже зловещему черному цвету и порой вступает с ним в борьбу. Такой контраст чаще всего наблюдается у Горького: а) при описании картин природы, явлений природы (11 р.). Здесь же допустима борьба между красным и черным. Такое же сталкивание противоположных по значению цветов мы наблюдаем и б) при описании внешности человека (6 р.), а также его туалета (5 р.).

а) Края **черных** туч тоже в огне, на **красных** пятнах зловеще рисуются угловатые куски огромных строений (X 22). Мне кажется, что я слышу злой кипучий треск и шум яростной борьбы **черного** и **красного** [леса и огня] (XI 54). А на востоке, над **черными** зубцами елового леса, уже поднята — повисла тонкая розовая пелена. Еще миг, и острые вершины елей вспыхнули **красным** огнем (XI 113). В темной пустыне лежит **крово-красная** тропа. Справа и слева от этой живой полосы огня море странного, темно-малинового цвета, дальше оно — **черное** (XI 205).

б) Идет к морю высокая женщина в **черном** платье. Наклонив голову, она вяжет что-то **красное** (X 47). Серые волосы ее покрыты **черным** кружевом, в одной руке — **красный** зонт, в другой — **черная** бархатная сумка (X 78). Джузеппе спрятал свою толстую **красную** шею и выставил **черные** крепкие кулаки (X 65). **Красное** от ветра лицо и **черные** брови (XI 209). **Красные** губы и **черная** жесткая щетина на голове (XI 336). Задорный вихор исчез в большой шишке **черно-красной** грязи (XI 180).

*
* *
*

Проследив употребление М. Горьким цветописы любимых им теплых тонов — желтого и красного — и их синонимов на материале рассказов «По Руси» и «Сказок об Италии», мы можем утверждать, что использование языковых средств, выражающих цветовую характеристику предметов и явлений действительности, — одна из характерных черт индивидуального стиля писателя.

Ведущее место в цветовой характеристике занимает имя прилагательное (95%).

Слово **красный** использовано Горьким 150 раз, **желтый** —

73 раза. Оба эти цвета очень близки между собою, часто перекрещиваются и сопровождают друг друга.

Синонимичный ряд к слову **желтый** включает 6 слов: золотой, рыжий, оранжевый, огненный, солнечный. Синонимичный ряд к слову **красный** — 11 слов: алый, пунцовый, кумачный, бордо, малиновый, багровый, багряный, кирпичный, огненный, кровавый, цвета сурика. Однако смысловые оттенки в синонимичном ряду слова **красный** очень незначительны. Это в основном разновидности темного или светлого тонов красного цвета. Отличия между синонимами слова **желтый** гораздо разнообразнее, что позволяет их использовать в различных функциях.

В употреблении обоих цветовых элементов можно наблюдать двуплановость значения. С одной стороны, — это яркий, светлый, солнечный, веселый, радостный цвет, с другой — тусклый, невзрачный, нездоровый, неприятный для зрения цвет.

Обычно элементы желтого и красного цвета используются Горьким в своем прямом номинативном значении для описания явлений природы, пейзажных зарисовок, окраски предметов окружающего мира, для характеристики человека — его одежды, внешности и т. д.

Наряду с прямым значением Горький использует цветопись и в переносном смысле, обычно сохраняя цветовое значение, а также создает с ее помощью ряд метких, оригинальных сравнений.

Характерной особенностью горьковской цветописы является контаминация двух цветовых определений. При этом слово **желтый** и его синонимы встречаются в паре с другими элементами цветописы гораздо чаще, чем слово **красный**.

НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВЕННОСТИ СЛОВА К. Г. ПАУСТОВСКИМ

Удачные языковые находки писателя значительно обогащают образно-художественную речь, чуждую всего избитого, штампованного. И чем смелее писатель в поисках средств словесно-художественной выразительности, тем действеннее его творчество.

Известно при этом, что ни один писатель не бывает свободен от воздействия традиции. Но, используя традиционные образные средства, художник слова вносит в них свежее, присущее ему одному. Так поступает и Паустовский. Обновляя привычные сочетания, он делает их более яркими и образными.

К. Паустовский считает, что одной из причин бездейственности художественного произведения, как бы глубоко ни было его содержание, является употребление привычных, готовых слов, готовых форм, переставших «работать» в данном сочетании.

«Давным-давно известно, что от частого употребления слова теряют свою свежесть, силу и ту образность, которую они должны нести в себе.

Слова стираются. От них остается только одно звучание, одна звуковая шелуха, исчезает их воздействие на наше воображение и сознание» (II, 633)¹.

Паустовский говорит, что писатель должен не только уметь выбирать из богатейшего нашего языка «наиболее точные, ясные и сильные слова», но и уметь правильно их расставлять.

И приводит в доказательство пушкинские строчки:

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле . . . ,

¹ К. Паустовский. Золотая роза. Собр. соч. в шести томах. М., 1957. В дальнейшем все ссылки на это издание (римскими цифрами обозначается том, арабскими — страница).

где обычные слова «лес», «мороз», «поле», поставленные в единственно возможном для выражения темы поэтическом сочетании, «вскрывают все великолепие русского языка, поют и звенят, как звенит, похрустывая под ногами, покрытая инеем пажить»².

Задача данной статьи — выявить некоторые приемы, применяемые К. Г. Паустовским для «восстановления потерянной эстетичности, стилистической действенности слова» (А. А. Потемкина). Данная работа представляет лишь часть исследования автора об образном словоупотреблении Паустовского³.

Насколько нам известно, не имеется специальных работ, посвященных выявлению приемов обновления потускневших, примелькавшихся языковых употреблений мастерами художественного слова предшествующих эпох и нашего времени. А между тем накопление такого рода работ поможет выяснить вопрос о новаторстве и приоритете того или иного художника слова в отношении используемых им приемов восстановления стилистической действенности слова.

Рассмотрим некоторые приемы оживления стертых употреблений, ставших весьма интересными и разнообразными у Паустовского.

Иногда лексическая пара — привычное, распространенное сочетание — дополняется образным определением, усиливающим выразительность, например:

Чистая, как жидкое зеркало, спала вода («Романтики», I, III).

Довольно традиционное выражение «зеркало реки, озера, моря» у Паустовского обновляется образным определением «жидкий». «Жидкое зеркало» — необычное сочетание, привлекающее внимание своей новизной.

Привычное сочетание «мерцание звезд» Паустовский освежает психологически окрашенным определением «простодушный»:

Она никак не могла определить свое состояние и знала только одно, что этот бронзовый Пушкин, и полукруглый фасад лица, и Камеронова галерея, меркнущая в багрянце листвы, и могучие стволы лип, к которым хотелось прижаться щекой, как прижимаются к лицу родного человека, и блеск воды, и сумерки, и первое **простодушное мерцание звезд** —

² К. Паустовский. Золотая роза. Т. II, стр. 633.

³ См., например, наши работы: «Наблюдения над словоупотреблением К. Г. Паустовского». Автореферат канд. диссертации. Л., 1962; «Об образном употреблении слов в языке произведений К. Г. Паустовского». Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки, т. 54. Р., 1964.

все это связано чем-то общим, единым, и если исчезнет одно из этих явлений, то померкнет и все («Повесть о лесах», II, 417).

Принятая по наследству и дополненная метафора «стекло реки» используется, вопреки традиции, для обозначения не ровной и неподвижной глади воды, а волнообразной блестящей поверхности, изогнутой многократно волнами:

Потом бронзовый Чкалов на откосе реки, кремль, пристани, плоты, пароходы, буксиры, **изогнутое волнами стекло реки** и зеленый пригородный поселок... («Рождение моря», 489)⁴.

Еще примеры:

Нам грустно, что мы не в силах превратить это мимолетное утро в бесконечный шелест сухого осинового золотого листа, в **бесконечный хоровод легких**, как дым, **облаков** («Кордон-237», V, 226)⁵.

Определения «бесконечный» и «легкий» оживляют сочетание «хоровод облаков». Сравнение облаков с дымом усиливает зрительное впечатление. Повторение же эпитетов — «бесконечный шелест» и «бесконечный хоровод облаков» — служит особой цели: усилить пережитое автором ощущение прелести утра желанием продлить это наслаждение.

Стрелы дымного света от прожекторов поднялись над Севастополем, приветствуя теплоход («Рождение моря», 179).

Свет от прожекторов был приглушенным, не резким, хотя и напоминал ровную стрелу. Подобное выражение встретилось нам и в «Черном море»: **туманная струя прожектора** (II, 42). Очевидно, неясная, размытая, похожая на непрозрачную пелену — туман.

Придет, постоит несколько минут и уйдет по длинной просеке к станции, где подымаются к небу **столбы пышного пара** («Кара-Бугаз», I, 427).

Определение «пышный» конкретизирует традиционную метафору «столб пара». «Пышный пар» — здесь: легкий, как бы взбитый, идущий не ровной стремительной струей, а большой массой, медленно расплываясь клубами.

⁴ Стривки из повести «Рождение моря» цитируются по: К. Паустовский. Избранное. М., СП, 1953.

⁵ Ср. у Новикова-Прибоя: «Полуденное небо в сиреневых облаках. Хороводами плывут они в сторону синего моря» («Подводники», 125).

Этот пример взят из картотеки словарного сектора Института русского языка АН СССР. В дальнейшем все примеры, приводимые из этой картотеки, мы условно обозначаем звездочкой.*.

Известны метафоры «стена леса», «стены сосен».

В примере —

По обочинам села **прозрачной стеной стояли облетелые ветлы** («Повесть о лесах», II, 436) — оживлен не только субъект сравнения (ветлы), но и его объект — то, с чем сравниваются ветлы (стена). Стена казалась прозрачной оттого, что ветлы облетели, стали прозрачными — свет свободно проходит сквозь голые ветки.

Экспрессивно окрашены оба традиционных компонента «гуща» и «дым» в следующем отрывке:

Карелин беззвучно затрясся. Казалось, вместе с ним смеялись и его кресло, и самый воздух кабинета, где заметно начала приплясывать **слоеная гуща крепчайшего табачного дыма** («Кара-Бугаз», I, 419).

Здесь образное определение «слоеный». Очевидно, дым был неоднородный, состоящий из отдельных слоев, пластов, перемежающихся прозрачными полосами чистого воздуха.

Обновлены оба компонента и в следующем тексте:

Полночь шла над землей в блеске небесных огней, в **тугом беге холодеющего воздуха**, в запахе трав («Рождение моря», 607).

Простым глазом видны мощные воздушные токи. Они поднимаются от земли к небу. **Сухое дыхание лесов** и запах можжевельника, должно быть, доносятся до самолетов («Мещорская сторона», IV, 909).

«Дыхание лесов», — очевидно, здесь имеется в виду распространение аромата, того особого запаха, который свойствен лесам⁶.

У Паустовского очень распространен этот прием:

Анна быстро обернулась к нему [Бестужеву], зацепила палками за ствол ели, и **водопады мягкого снега** обрушились и на Бестужева («Северная повесть», II, 206).

Бледная вода. Громады кучевых облаков в **перламутровых просторах неба** («Рождение моря», 475).

⁶ Ср. подобные употребления (перенос значения на основе обонятельных свойств) у других писателей и поэтов: дыхание дубрав, цветов (Жуковский), дыхание мая (Вяземский), дыхание роз (Пушкин), дыхание цветов (А. Толстой)*; у Паустовского — «сухое» дыхание лесов. У Карамзина, А. Толстого; Чехова, Замятина — дыхание весны* (по ощущению свежести): у Пушкина — дыхание осени (перенос значения на основе движения): «Он [генерал] осматривал яблони, **обнаженные дыханием осени**» («Капитанская дочка», 10)*.

За Днепром мигали во мраке молнии. Мне казалось, что там раскинулась неведомая — грозовая и влажная страна, наполненная бегущим шумом листьев («Золотая роза», II, 509).

А незадолго перед дождем, хотя еще и не натянуло тучи, слышится нежное дыхание влаги («Золотая роза», II, 567).

Количество примеров можно было бы увеличить.

С помощью этого способа обновления обычные выражения в пейзажах Паустовского получают большую выразительную эмоциональную окраску, приобретают рельефность, красочность, порой динамизм.

* * *

Иногда, используя традиционный образ, Паустовский поэтически обосновывает его.

Материалы картотеки АН показывают, что выражение «гряда облаков» имеет свою «историю». Употребление его встречается у Жуковского, Марлинского, Вяземского, Фета, Надсона, Бунина, Мамина-Сибиряка, Пушкина, Горького, Маршака, а также у Паустовского:

Иногда над морем появлялись длинные и прямые, как лучи, облака. Они были похожи на след от высотного самолета. Облака эти расходились по небу из одной точки на морском горизонте.

По самому их хрупкому и прозрачному строению Леля узнала, что это очень высокие облака, но сложенные из ледяных кристаллов.

[Леля] ... вспомнила, что в тетради у мамы есть запись и о таких облаках: «Редет облаков летучая гряда...» Слова летучая гряда подчеркнуты, очевидно, потому, что являлись точным метеорологическим определением высоких перистых облаков. Они были похожи на тонкие пряди шелка-сырца. Ветер вытягивал их вдоль неба и осторожно разрывал на отдельные тающие клочья («Рождение моря», 541).

Здесь целый ансамбль образных выражений, в котором путем пояснения поэтически расшифровывается традиционный образ «гряда облаков».

* * *

Как в поэзии, в лирической прозе Паустовского нередко один из компонентов — «стершееся» слово — заменяется свежим, близким по семантике или находящимся в одном синонимическом ряду.

Так, вместо «гряда» облаков Паустовский употребляет «отары», «стаи», «вереницы», «хоровод» облаков. Необычное соседство слов освежает сочетание:

Опрокинутое в речной воде небо, покрытое **отарами белых облаков**, медленно плыло навстречу⁷ («Рождение моря», 552).

Облака всегда привлекали Гарта. Он любил эти плавучие материки, пропитанные влагой. Он мог часами рассматривать средневековые города кучевых туч, воздвигнутых на границах стратосферы, и **стаи перистых облаков** — летучих рыб, заснувших в зеленоватом небе («Черное море», II, 16).

Многие писатели, и Паустовский в их числе, употребляют выражение «море огня». Писатель, обновляя образ, заменяет один из компонентов в какой-то мере синонимичным по степени нарастания качества.

В обновленном варианте фраза звучит так:

Из **океана огней**, с борта катера, сошел на пристань высокий человек («Черное море», II, 44).

Каждый раз Паустовский находит новое слово для названия большого количества огней: «дождь огней», «река огня»⁸ и т. п. или небольшого количества — «горсть огней», «озера огней» и т. п. Своеобразно сочетание «веретена огней», указывающее на форму световых лучей и их отражения:

Веретена огней убежали к черной воде («Романтики», I, 44).

Настроение людей, празднующих победу социалистической революции, передано в «Черном море» живописной картиной общего ликования.

Многочисленные огни иллюминации на военных кораблях, их отражения в воде с бортов движущихся мимо грузовых судов казались летящими световыми струями, похожими на необыкновенный дождь, **«дождь огней»**. Выражение

⁷ Может быть, у Паустовского вариант лермонтовского «стада облаков»: «Средь полей необозримых, В небе ходят без следа **Облаков** неувольнимых волокнистые **стада**» («Демон», 377)*. Или у Горького: «...озабоченно хлопотал ветер, сгоняя **облака**, точно **стадо овец**» («Чужие люди», 50)*.

⁸ Своеобразное выражение и у Шолохова: «половодье электрических **огней**» (Подн. цел., 1953); «желтый полноводный разлив **огней**» («Тих. Дон», 118)*.

«перебегающий свет» и персонификация неодушевленных предметов, попавших в поток огней, делают более осязаемым художественное сравнение:

Черные громады грузовых пароходов пробирались сквозь **дождь огней**, зажмурив глаза, ослепнув от перебегающего света, и жалобно покрикивали сиренами — просили дать дорогу («Черное море», II, 44).

Распространены выражения «стрелы», «струя», «потoki», «пятна», «полосы» света⁹. У Паустовского находим обновленные сочетания — «пласты света», «облака света», «озера света» и т. п.¹⁰.

Но больше всего в этот день Чайковского поразил свет. Он вглядывался в него, видел все новые **пласты света**, падавшие на знакомые леса («Повесть о лесах», II, 310).

[воздушные течения] ... то уносили шары к заливу широкими взмахами — и весь залив пылал, казалось, до самого дна их отражениями, — то сгущали их в **облака света**, сиявшие над потрясенными берегами («Северная повесть», II, 301).

Вместо часто употребляемых выражений «стена дождя», «полосы дождя» у Паустовского встречаем — «холстины дождя», «холст дождя», «шнуры дождя», «занавеси дождей», «водянистые подола дождей», «дрожащие струнки дождя» и т. п.

Черный ветер задувал с оловянного моря. **Угрюмые занавеси дождей** висели над ним («Начало неведомого века», III, 783).

Дождь тихо позванивал по озеру, будто протягивал между черным небом и водой тонкие, как паутина, **дрожащие струнки** («Собрание чудес», V, 313).

Косые шнуры дождя заструились по стеклам («Золотая роза», II, 684).

Тучи, бестолково теснясь, неслись с северо-запада, волоча по земле **водянистые подола дождей** («Исаак Левитан», IV, 184).

Тяжелые тучи, напитанные холодной влагой, висят над землей. **Косые холстины дождя** закрывают просторы («Исаак Левитан», IV, 185).

⁹ Курочкин, Гаршин, А. Толстой, Гончаров, Федин, Горький и др.*

¹⁰ Интересны употребления у Горького: «нитка света»*, у Шолохова — «вязь света»*. Так в богатейшей сокровищнице русской лексики каждый писатель находит свой, неповторимый образ.

Или:

Маяк закрыло холстом дождя («Романтики», I, 32)¹¹.

Здесь сближены два разнородных, далеких друг от друга понятия, заключенные в образе и предмете (холст и дождь). Непрерывные сплошные потоки дождевых струй напоминают полотнища небеленой ткани — холста, заполняющие пространство.

Писатель находит сходство между этими разнородными, далекими друг от друга предметами, благодаря чему получается свежая авторская метафора.

В картотеке АН нам не встретилось ни одного случая подобного употребления. Близкий образ найден у Некрасова и Замойского:

Вот правая сторонushка Одной сплошною тучею
Покрылась-затуманилась, Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые Повисли до земли (Некрасов.
«Кому на Руси жить хорошо», 237)*.

А дождь густо припускает, и сквозь **косые нити
прядева** видно, как кто-то безумно гонит лошадь, ве-
зущую снопы (Замойский. «Лапти», 62)*.

Рассмотрим еще один пример:

Гарт сидел, не двигаясь. Он ... видел ... зеленое
море, дождь, грубые паруса и стариков, читающих,
как раскрытую древнюю книгу, **свиток туч**, несущихся
над морем, над этим беспокойным Кара-Денизом
(«Черное море», II, 19).

Облака, тучи — это «говорящие свитки». В этих свитках «сигналы» о погоде, это «небесная азбука Морзе», пишет Паустовский, ее надо уметь читать.

Ср. у Леонова:

В углу неба выползла на мое темя **черная, синими
свитками, туча** последней осенней грозы («Туатамур»,
120)*.

Если у Паустовского этот образ продуман и расшифрован контекстом, то натуралистическая зарисовка раннего Леонова никак не может оправдать замысла автора в употреблении именно этого сочетания.

У Антокольского ассоциируется со свитком небо, «все в письменах мильнолетних звезд» («Сын», 18)*.

Употребляя слова в новых, необычных сочетаниях, Паус-

¹¹ Ср. у Ляшко: «Через окошко в избу красной холстиной свет вполз и на столе улегся» («Кафтан», 489).

товский вскрывает выразительные возможности многих слов русского языка.

Эффекты «живого созерцания» создаются благодаря тому, что автор, сталкивая несовместимые на первый взгляд понятия, находит точку смыслового соприкосновения там, где, казалось бы, нет ничего общего между предметами (свиток туч, холстины дождя, веер дыма, подолы дождей и т. п.)¹².

Еще пример:

Я выходил во двор, прямо в степь, засыпанную звездами («Черное море», II, 76).

Выражение «небо, усыпанное звездами», использовали многие писатели¹³. Новое сочетание — «степь, засыпанная звездами», — останавливает наше внимание и освежает всю фразу. Ширина степи как бы раздвигает границы горизонта. Кажется, что не только небо, но и вся степь «засыпана» звездами.

Так с помощью замены одного компонента обновляется все сочетание.

Ярким примером обновления традиционного употребления является замена выражения «купол неба» на «чаша неба»¹⁴.

Так же, как в море, над лугами дуют свежие ветры и высоко небо опрокинулось бледной зеленеющей чашей («Мещорская сторона», IV, 212).

Сочилась вода в фонтанах, и небо опрокинулось черной чашей («Романтики», I, 118)¹⁵.

Встретились нам у Паустовского оригинальные сочетания «колпак неба», «небесное сито», где второе сочетание восходит к фольклорной традиции (ср. «сеет дождь»).

¹² Следует заметить, что, по данным картотеки АН, выражение «хоровод облаков», кроме Паустовского, использовал только Новиков-Прибой; «цепи облаков» — Пушкин; «вереницы облаков» — Серафимович. Можно считать, что в этих случаях совершенно свежие употребления, а не воссоздание забытых образов и даже не обновленные сочетания. Отдаленные временем, они как бы созданы писателем заново (ср. «Банально то, что в настоящее время общепринято, общеизвестно. Банально теперь, могло быть оригинальным столетие назад... может вновь стать оригинальным через несколько лет». Брюсов. «Miscelliana»).

¹³ Например, у Тургенева: «на усыпанном звездами небе», у Иванова: «...небо, усыпанное звездами», у А. Первенцева: «...по небу, будто горстями, были разбросаны звезды»*.

¹⁴ Ср. «До самих небес, нависших звездным темнеющим куполом» (Фадеев, «Разгром»). «Бледное зарево отражалось в темном куполе неба» (Аксаков. «Литература и театральные воспоминания»). «Птичье царство ликует под хрустальным куполом неба» (Скиталец. «За тюремной стеной»), «Ни одного облачка на куполе неба» (Горький. «Скуки ради»)*.

¹⁵ Ср. у Есенина: «Грянул гром. Чашка неба расколота. Тучи рваные кутают лес» («Русь»). Пример из статьи Л. С. Ковтун «О построении словарной статьи». Лексикографический сборник. Вып. I, М., 1957, стр. 94.

Солнце подымалось над Серебряной, **небо** накрывало леса хрустальным **колпаком**, и тишина рождалась в перелесках («Блистающие облака», I, 201).

Мелкий дождь сыплется через исполинское **небесное сито** («Романтики», I, 46).

Такого употребления мы не нашли ни у одного поэта или писателя.

Таким образом, выбор нового члена для привычного сочетания вместо общеупотребительного или использованного другими писателями сопровождается смещением значений слов, обогащением их новыми оттенками. В результате возникают своеобразные сочетания.

* * *

Нередки у Паустовского случаи передвижения эпитета с управляемого слова на управляющее. Например: «в теплой тишине комнат» вместо «в тишине теплых комнат». Инверсия слов усиливает образность, придает словам другие оттенки значений.

В теплой тишине комнат было слышно ее [Анны] спокойное дыхание («Северная повесть», II, 225).

Бестужев ни слова не сказал Анне о том, что произошло после ее ухода. Она протянула ему руку. Он сжал ее выше кисти и даже сквозь свист ветра и **яростный шум бури** слышал, как отдавалось в ее теплой руке частое биение сердца («Северная повесть», II, 211).

«Яростный шум» — в значении «выражающий ярость, исполненный ярости».

Здесь и свежее сочетание «шум бури» вместо нередко встречающегося «рев бури».

Еще пример:

Под Москвой леса насквозь просвечены золотом. Особенно много этого **лиственного шумного золота** скопилось в оврагах, куда не проникал ветер («Ветер скорости», VI, 536).

Очевидно, здесь «лиственное шумное золото» вместо обычного «шума золотой листвы».

Говорить об окказиональном сочетании слов в этих примерах нельзя. Здесь пример индивидуальной, творческой перегруппировки слов.

* * *

Встречаются у Паустовского случаи обогащения привычных фразеологических связей:

Зима вступила в свои хмурые права («Черное море», II, 175).

Разрывая фразеологизм неожиданным образным эпитетом, писатель обновляет все сочетание. Слово раскрепощается от «традиционных фразеологических цепей» (В. В. Виноградов), начинает жить новой жизнью¹⁶.

Устойчиво, привычно сочетание слов «плакучая ива». У Паустовского — «плакучая ветка ивы»:

Тут же склонялись **плакучими ветками** карликовые ивы («Повесть о лесах», II, 407).

Распространенное устойчивое выражение «золотая осень» заменено писателем на «рыжая осень», что намеренно переводит весь контекст в сниженный план:

После Старого Крыма пустынная дорога вошла в леса. **Рыжая осень** мчалась по сторонам («Потерянный день», IV, 572).

Или в «Романтиках»:

... **рыжая осень** осыпается в переулках (I, 25).

Встретилось нам у Паустовского и другое сочетание — «лиловая осень».

Стояла уже **лиловая южная осень** («Блισταющие облака», I, 343).

*
* *
*

Мы отметили некоторые приемы обновления Паустовским потускневших, примелькавшихся употреблений. Наиболее частыми приемами являются: а) случаи восполнения лексической пары образным определением, усиливающим выразительность («вода, как **жидкое** зеркало», «**перламутровые** просторы неба»); б) прием замены одного из компонентов обычного выражения другим, свежим, близким по семантике или находящимся в одном синонимическом ряду («**стена** дождя» — «**холстины** дождя»); в) уточнение путем пояснения (опоэтизированное обоснование, расшифровка образа, например, «**гряда** облаков»); г) усиление образности путем инверсии слов (перенесение эпитета с управляемого слова на управляющее: «в **теплой** тишине комнат»); д) обогащение

¹⁶ Очевидно, здесь дело еще и в том, что привычная метафора «хмурая осень» у Паустовского преобразуется в «хмурую зиму».

существующих фразеологических связей («зима вступила в свои **хмурые** права») и др.

Ставя слова в новый «поэтический ряд» для их обновления, стилистической действенности, Паустовский достигает выразительности повествования.

Сила поэтического языка большого мастера слова К. Г. Паустовского — в неожиданном разнообразии обновленных сочетаний. Включенные в общий развернутый контекст, они начинают «жить», «играть», приобретают тот или иной оттенок, призыв, дополняющий картину характерной экспрессией.

РОЛЬ КОНТЕКСТА В РАСКРЫТИИ ЗНАЧЕНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОЖНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

(на материале языка Э. Штриттматтера)

Язык современных прогрессивных немецких писателей отличается не только новизной тематики, но и принципиально новым отбором языкового материала, новыми формами структурного построения языковых единиц. Писатель ищет и находит новые формы для выражения своих взглядов на действительность и своего отношения к тому или иному явлению. Современный писатель, как говорит Франц Кафка, должен как бы сам «раствориться в слове» («das Wort ganz mit sich erfüllen»).

Поэтому часто традиционный запас средств языкового материала не может удовлетворить писателя. В поисках новых форм для более полного отображения явлений внешнего и внутреннего мира писатель создает новые слова. Не последнюю роль в создании новых слов играет и стремление писателя экономить языковой материал. Большое количество таких новых слов создается в рамках одного произведения, в котором они и живут. Иногда же такие слова характерны для всего языка отдельных писателей, не выходя, однако, за его пределы. Такие слова называются случайными или окказиональными. Особенно богат окказиональными словами язык писателей — новаторов в области языка.

Именно таким писателем в современной прогрессивной немецкой литературе является Эрвин Штриттматтер. Окказиональные слова в языке его произведений отличаются образностью, меткостью и необычностью своего построения.

Процесс создания такого слова может быть двояким. Как признает сам Э. Штриттматтер, слова иногда словно слетают с пера, а иногда они являются плодом мучительных поисков. В своей беседе с корреспондентом литературного журнала «Neue Deutsche Literatur» Э. Штриттматтер ответил следую-

шим образом на вопрос о причинах и характере появления окказиональных слов в его произведениях:

«Kürzlich war ich auf einer Jugendhochschule, da sagte ein jugendlicher Genosse. Sie schreiben es herbstelte. Haben Sie das bewußt gemacht? Ich mußte ihm sagen, ich habe es nicht bewußt gemacht, aber ich spürte, daß man mit diesem einen Wort zehn Sätze sparen kann... Man kann einen Herbst, einen Herbsttag, so beschreiben, daß man sagt: die Sonne steht schräg, die Blätter fallen von den Bäumen, das Gras wird grau, der Himmel ist blau usw. Das sind alles abgenutzte poetische Requisiten. Ich kann aber auch voraussetzen, daß viele meiner Leser diese poetischen Requisiten kennen, und wir einigen uns darauf, ganz unter uns, ich schreibe: es herbstelte, und überlasse meinem Leser, hinzuzufügen, was ich nicht geschrieben habe in den anderen zehn Sätzen, mit denen ich sonst eine Herbststimmung hätte beschreiben müssen. Eine gewisse Ökonomie steckt dahinter.»¹

Таким образом, писатель, вступая в беседу с читателем, отбрасывает все им давным-давно знакомое, экономит языковой материал и время для решения более важных проблем, намеченных в произведении. Поэтому появление окказиональных слов — как в данном случае «es herbstelte» является своего рода необходимым результатом построения всего произведения в целом. Однако «не осознанно» (nicht bewußt) у Э. Шриттматтера не означает, что новое слово рождается из ничего, по наитию. Моменту рождения нового слова предшествует кропотливая работа.

«Ich führe regelmäßig Tagebücher und schreibe mir allerlei Episoden auf. Schreibe mir auch plastische Worte auf, die ich höre. Das habe ich übrigens schon sehr früh, in meinen Wanderjahren quer durch Deutschland getan, bevor ich wußte, daß ich einmal Schriftsteller würde, weil mich die Sprache, die deutsche Sprache, immer sehr interessiert hat.»²

Словообразование в современном немецком языке характерно своей тенденцией к субстантивации, но не в смысле конверсии, а в стремлении выразить мысль именно существительным (substantivische Denkweise)³. Образование новых

¹ Walter Nowojski. Schriftsteller an der Basis. NDL 1965/6, S. 65—76.

² Там же.

³ G. Möller. Gedanken über die Entwicklungstendenzen in der Sprache der Gegenwart. Deutschunterricht, 1962, H. 1, Berlin, S. 36.

слов в области существительного характеризуется в немецком языке ведущей ролью словосложения. Легкость образования, диффузность формы, а также возможность использовать разные стороны смысловой структуры опорных слов — все это является предпосылкой для образования внутри класса сложных существительных и так называемых окказиональных слов. Окказиональное сложное существительное или вводит текст, в котором раскрывается его значение, или, наоборот, является своего рода «заключением» из всего предыдущего текста. Сравни: слово *Wiegefest*, которое приблизительно можно перевести как «праздник взвешивания», писатель последующим текстом поясняет, что это своеобразный «весенний праздник» богатого толстяка Серно. Крестьянин-кулак заставлял своих батраков взвешивать (*wiegen, abwiegen*) его каждую весну, и в зависимости от того, сколько килограммов он прибавлял в весе, столько килограммов шпека выдавалось батракам. (*Ole Bienkopp S. 358*). А слово *Mehlwiese* — приблизительный перевод — «мучная поляна, дуг» — является как бы заключением ко всему предыдущему тексту, в котором речь идет о мечтателе Станислаусе, ученике пекаря, пожелавшем провести сеанс гипноза. Но для этого была необходима одинокая зеленая поляна. Таковой Станислаус найти не смог. И в силу необходимости он улегся на мешках муки. Писатель соответственно назвал эту своеобразную «поляну» — *Mehlwiese* (*Wundertäter S. 109*).

Как показывают даже эти два примера, окказиональное слово живет в контексте и зависит от него, оставаясь вне его или мало понятным, или иногда совершенно непонятным. Аналогичного характера и такие слова, как *Samtbandmädchen* — девушка с бархатной ленточкой, *Henkelkühe* — черепки посуды, в воображении ребенка превращающиеся в коров, которых он пасет, и много других.

Зависимость раскрытия значения окказионального слова от контекста можно рассматривать с разных позиций, так как значение окказионального слова раскрывается в контексте различного объема.

В. Г. Колшанский дает следующее определение контекста и его роли в выявлении содержания лексических единиц: «... Контекст может быть определен как совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы (лексической, грамматической и т. д.); при этом под однозначностью следует понимать проявление в заданных условиях только одного конкретного содержания языковой формы (например, одного значения слова, одного значения грамматической

формы и т. д.)»⁴. В. Г. Колшанский имеет в виду проявление одного из значений многозначной языковой единицы. При выявлении значения окказионального слова вопрос «проявления... только одного конкретного содержания» отпадает, так как окказиональное слово само по своей логико-семантической природе, как правило, не может иметь несколько значений, поэтому контекст в данном случае выявляет лишь «конкретное содержание» слова.

Говоря далее о природе контекста, В. Г. Колшанский выделяет три вида последнего: микроконтекст — в объеме одного предложения, макроконтекст — абзац и тематический (ситуационный) контекст в объеме главы или даже целого произведения.

«Одним из самых распространенных случаев определения значения слова по контексту, — говорит дальше в своей статье В. Г. Колшанский, — является использование микроконтекста, т. е. определение правильного значения слова по признаку смысла предложения. В рамках же предложения минимальным окружением слова является словосочетание из двух слов, стоящих в отношении определения и определяемого (атрибутивной связи)»⁵.

В отношении окказиональных слов такое различие текстовых признаков в основном вполне приемлемо. Но специфика семантико-синтаксических отношений внутри сложного существительного, о котором в данном случае идет речь, позволяет рассматривать контекстуальную зависимость в выявлении значения последнего несколько иначе.

Контекст, в котором выступает окказиональное сложное существительное, может быть различным.

1. Внутренний контекст заключается в самом сложном слове, преобразованном в словосочетание. Например:

Beiwagenaussicht	— Aussicht auf einen Beiwagen (Aussicht auf etwas haben)
Hektarjagd	— Jagd auf Hektare (Jagd auf etwas)
Landsehnsucht	— Sehnsucht nach dem Lande (Sehnsucht nach etwas, j-dn haben)

2. Микроконтекст — одно предложение, в рамках которого выступает окказиональное слово. Например:

⁴ В. Г. Колшанский. О природе контекста. «Вопросы языкознания», 1959, № 4, стр. 47.

⁵ Там же.

- Blaublätterkragen — Die Kohlköpfe purzelten aus ihren Blaublätterkragen (Pony Pedro S. 34)
- Schilfwald — Sie (die Enten) verlassen die schützenden Schilfwälder des Sees) (Ole B. 427).

3. Макроконтест — абзац, в котором выступает сложное окказиональное слово. Например: Nußmädchen — девушка, у которой цвет лица напоминал тронутую морозом листву орешника; Brieftauben — Pferd — лошадь, которая, подобно голубям в воздухе, кружит по лесу, пока не найдет правильной дороги домой.

4. Ситуативный контекст — расширенный вплоть до объема всего произведения.

В тесной зависимости от объема, в котором раскрывается значение окказионального сложного существительного, находится и восприятие последнего читателем (слушателем). Так, например, слова Beiwagenaussicht, Hektarjagd раскрывают свое значение при помощи внутреннего контекста, так как управление опорного слова второго компонента допускает только один вариант, а именно: Aussicht auf etwas (j-dn) haben, Jagd auf etwas (j-dn).

Слова же Kartoffelstreit, Spatzenschlacht и т. п. требуют пояснения в объеме микроконтекста, так как при преобразовании таких и им подобных детерминативных сложных существительных, взятых вне контекста, возможно двоякое толкование, исходя из управления опорного слова второго компонента, а именно: Streit um (über) Kartoffeln, Schlacht mit (gegen) Spatzen.

Особенно необходим контекст для определения таких окказиональных существительных, встречающихся в языке Э. Штриттматтера, которые сами по себе носят характер бахуврихи, т. е. сложных существительных, означающих носителя качества, обозначенного самим словом, например: Dickkopf — упрямец, Strohkopf — глупец. Эти слова, зафиксированные в словарях, не являются окказионализмами. Однако в языке писателя они выступают не как бахуврихи, а как обычные сложные слова — существительные без наличия в них переосмысления, что и обуславливает их окказиональный характер. Например: слово Strohkopf — раскрывается самим писателем как Kopf aus Stroh — «голова из соломы» (огородного пугала), а слово Dickkopf — как «упрямая голова» героя, от имени которого ведется повествование; Grünhut — grüner Hut — «шляпа охотника», а слово Neugiernase означает просто — «любопытный нос» (neugierige Nase).

Не менее важную роль играет контекст и в раскрытии значения окказиональных сложных существительных такого характера, о которых, в частности, говорит Дуден. Это, как правило, сложные слова, появившиеся в результате элиминирования контекста. Дуден говорит о природе такого случайного слова, как *Atombefragung*, появившегося в результате опущения одного из компонентов сложного слова — *Atomvolksbefragung*, и указывает, что каждый читатель, владеющий немецким языком, поймет, в чем дело (*Jeder deutsche Leser verstand, worum es sich handelte*)⁶. Но необходимым условием понимания такого слова Дуден также ставит контекст, так как в противном случае слово может вызвать другие ассоциации, к данной ситуации не имеющие никакого отношения. Причиной появления таких существительных является сложность и громоздкость немецких многосложных слов, появления которых журналисты и писатели стараются по мере возможности избежать.

Примеры из произведений Э. Штриттматтера:

Слово *Bäckersehnsucht*, взятое вне контекста, можно преобразовать в словосочетание *Sehnsucht des Bäckers* — тоска пекаря, именно пекаря, а не кого-либо иного. Но контекст, в окружении которого выступает это слово, показывает, что это не так, что речь идет не о «тоске пекаря», а о «тоске учителя», который был когда-то пекарем и теперь тоскует по своему ремеслу. В таком случае сложное слово *Bäckersehnsucht* надо понимать как *Sehnsucht (des Lehrers) nach der Bäckerarbeit*, а структуру сложного слова как результат элиминирования контекста:

«Der Schulrat schickt Lehrer Kern auf einen Neulehrerkursus. Dort lernt sich Herr Kern die Bäckersehnsucht ab.» (Tinko S. 80).

Слово *Semmelweg* при попытке выявить его значение путем преобразования сложного слова в словосочетание, состоящее из опорных слов его компонентов, получает несколько странное толкование, а именно: *Weg der Semmel* — путь булочек. Но и микроконтекст, в котором выступает данное слово, мало чем поможет — *Den ganzen weiteren Semmelweg hüpfte Stanislaus (Wundertäter S. 80)*. Значение этого слова вырастает из целой главы романа, т. е. из ситуативного контекста. А само слово надо считать результатом элиминирования компонентов — *Semmel* — (*Zustellungs*) — *weg*.

Ряд окказионализмов в языке Э. Штриттматтера характерен переносом свойств, присущих человеку, на животное.

⁶ Der Große Duden. Grammatik. Leningrad, 1962, S. 408.

Например: Stutenfräulein, Pferdedame, Ziegen-
dame, Hengstjüngling, Pferdebraut.

Для пояснения значения таких слов необходим широкий ситуативный контекст, в котором данное слово функционирует.

Значение окказиональных сложных существительных, в основе которых лежит сравнение, раскрывается в контексте различного объема. Это может быть внутренний контекст, как например в словах:

Zinkenfinger — Finger wie Zinken, Mückenbeinfinger — Finger wie Mückenbeine, Porzellanhals — Hals wie aus Porzellan,

микрконтекст, как например в слове

Nebelseide — «Über dem Meisterbett hing ein großes Bild: Elfen mit blaugrüner Nebelseide bekleidet.» (Wundertäter S. 227),

или макрконтекст, как в следующих примерах:

«Sie tippelte, wie eine Taube, die zum Futterplatze eilt... Das blasse Taubenmädchen wurde verwirrt». (Wundertäter S. 226).

«Anngret schrieb an Julian in die Stadt. Schulumädchenschrift auf punktierten Linien.» (Ole Bienkopp S. 67).

До сих пор речь шла об образовании таких сложных существительных окказионального характера, опорные слова компонентов которых упоминаются непосредственно в контексте, как например при образовании слова *Goldaal*.

«Als sie noch Kind war, hat sie von einem goldenen Aal geträumt. Jetzt gilt es, Herr Goldaal, ich werde dich greifen!» (Ole Bienkopp S. 410).

Иногда же опорное слово одного из компонентов находится вне контекста и появление его лишь логически связано с отдельным словом контекста. Так, например, в слове *Buchschaf* опорное слово второго компонента этого слова — *Schaf* в самом контексте не упоминается, но его появление в качестве второго компонента обусловлено наличием в контексте слова — *Schäfer*.

«Stanislaus sah keinen der verhunzelten Händler etwas verkaufen. Sie führten die kleine Herde ihrer Bücher an die Luft, in die Sonne und standen wartend, wie die Schäfer daneben, betrachteten den Himmel über Paris oder nahmen ab und an eines ihrer Buchschafe in die Hand, um es zu streicheln.» (Wundertäter S. 400).

В контексте, в котором выступает сложное слово *Himmelschafe*, упомянуто лишь слово *Wolke*, синонимом к которому в данном случае является слово *Schäfchenwolken*, откуда и появляется второй компонент — *Schafe* в сложном существительном *Himmelschafe*.

«Sieh da, ... die Wiesen staunten mit tausend Augen in den Himmel. Stanislaus lag auf dem Rücken und starrte in die Wolken. Wohin wandern die Himmelschafe?» (Wundertäter S. 258).

Интересно отметить, что окказиональные сложные существительные, взятые вне контекста, воспринимаются читателем (слушателем) по-разному. При этом в раскрытие значения окказионализмов информант часто вносит момент переосмысления, т. е. такого их толкования, какого сам писатель не имел в виду. Так, например, из 22 ответов, полученных на предложение пояснить значение ряда окказиональных сложных существительных, наиболее характерными являются следующие случаи переосмысления:

Schreibhand — имеется в виду «пишущая рука», пояснено — *Büromensch* — «канцелярист»;

Gehholz — имеется в виду «трость», пояснено — *Beinprothese* — «протез»;

Sterberock — имеется в виду «саван», пояснено — *Uniform des Faschismus* — «фашистская униформа».

Grauschnee — имеется в виду «серый (грязный) снег», пояснено — *alter Mann* — «старый человек».

Besenhund — имеется в виду «собака, похожая на щетку», пояснено — *scharfer Vorgesetzter* — «строгий начальник».

На основании приведенных примеров можно прийти к выводу, что

1) контекст является той средой, в которой окказиональное слово, в том числе и сложное существительное, живет и раскрывает свое значение, и вне которой оно в большинстве случаев теряет свою семантическую значимость;

2) контекст является основным критерием окказиональности слова;

3) контекст часто является необходимой предпосылкой появления самого окказионального слова (в частности, сложного существительного); исходные опорные слова из контекста как бы задают будущий семантико-структурный облик окказионального сложного слова.

РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЛАТЫШСКОМ ОКРУЖЕНИИ

Русские топонимы, как и всякие другие, попадают в иноязычное окружение в различное время и в связи с различными общественными условиями жизни. Это могут быть переселения, колонизация, иммиграция, война и т. п. Иноязычная среда может находиться на территории одного государства или за его пределами на соседних или более отдаленных территориях. При этом необходимо учитывать степень изолированности топонимов от исконной территории. В зависимости от времени и места такие перенесенные топонимы претерпевают различные изменения, проходят свой особый путь, который не может быть обособлен от иноязычного окружения, влияющего на них или поддерживающего те или иные тенденции собственного развития. Следовательно, необходимо учитывать два момента: собственное независимое развитие, которое в иноязычном окружении обычно бывает замедленным (ср. старую, полногласную форму в топониме **Верем** и современное нарицательное слово **время**), и влияние окружающего или окружающих языков, которое выражается в подражании (калькировании), заимствовании слов и отдельных словообразовательных элементов. Ср. название реки: **Синя** — **Синупе** — **Зилупе** и **Синюха** (последнее в устной речи местного населения), что позволяет установить путь его развития и значение¹.

Одним из случаев существования русских топонимов в иноязычном окружении является наличие их на латышской территории, куда они попали давно. Так, в XII в. уже известны названия полоцких вассальных городов **Куконос** и **Герцике**, в XIII в. г. **Валмиера**, в XVI в. **Вышки**, в XVII в. **Лужа** (Лудза) и др.

Первым наиболее обширным потоком русских переселенцев на территории Латвии были старообрядцы, бежавшие сюда от преследования царского правительства в конце XVII века через Литву или непосредственно через границу в

¹ А. И. Попов. Материалы по топонимике Карелии. Советское финноугроведение. V. Петрозаводск, 1949, стр. 48.

Польшу, на свободные земли, которые они здесь приобретали. Затем, в XVIII веке, сюда ссылаются уральские казаки-пугачевцы, в начале XIX века здесь находились арацхеевские военные поселения, в конце XIX века происходят переселения со псковских земель на соседние латышские и т. п. Все это люди, селившиеся мирным путем, в результате частной инициативы или в принудительном порядке, не подчинявшие себе исконное местное население. Эти переселенцы не являлись также крупными феодалами, собственниками, так что и экономически они не воздействовали на местное население. Но так как восточная часть Латвии (Латгалия) с конца XVIII в. вошла в состав Российской империи, то русское влияние здесь приобретает иной характер и преследует цели административного подчинения области.

К более раннему периоду (начиная со второй половины XVI в.) относятся переселения белорусов, язык которых в соответствии с политикой того времени считался лишь наречием русского языка. Поэтому и белорусские топонимы воспринимались как русские или же считались польскими по своему происхождению, так как польский и белорусский языки характеризуются большой близостью и, возможно, входят в один языковой ареал — севернославянский, как на это указывали Б. А. Ларин и Т. Лер-Сплавинский. Но польское влияние могло касаться лишь старых официальных названий, связанных с тем временем, когда эти земли входили в состав Польши (т. е. до конца XVIII в.), и находившихся в сфере обращения у представителей высших классов — поляков или ополяченных немцев, а не среди широких масс населения в их устно-разговорной речи.

На территории Латвийской ССР, т. е. в иноязычном окружении, находятся различные по своей структуре топонимы, те же, что и на исконно русских землях. Источниками служат старые метрические книги, газеты, карты. Это отдельные слова (например, **Новины**, **Засеки**) или словосочетания (например, **Лисья горка**, **Тихая пристань**, **Дорожные куртиши**). Однословные топонимы выступают как безаффиксные образования (например, **Слобода**) или образованные при помощи различных аффиксов (например, **Гульбинки**, **Заболотье**, **Залесье**) или основосложения (например, **Стародворье**, **Юзуполье**). В качестве топонимов выступают и номенклатурные термины или какие-либо другие нарицательные имена (например, **Городок**, **Остров**, **Пустошь**, **Слобода**), а также производные от них (микротопонимы — улицы г. Даугавпилса, например **Бульварная**, **Аллеяная**, **Шоссейная**). По своей морфологической принадлежности топонимы здесь являются име-

нами существительными, субстантивированными прилагательными, качественными и относительными (например, **Черная, Московская, Огурецкая**) или притяжательными (например, **Кузьмино, Хлопотово, Каменцево**).

При различных перегруппировках населения — переездах, женитьбах — деревни с русским названием оказываются населенными латышами (например, **Богомолы, Лядины**), а латышские — русскими (например, **Кевесдрува**). При этом названия претерпевают некоторые изменения: изменяется место ударения (на месте русского разноместного появляется постоянное на первом слоге в соответствии с нормами латышского языка и наоборот), отчасти и звуковой состав (дифтонг **уо** заменяется монофтонгом **о**, **х** переходит в **к** и др.), что необходимо установить для того, чтобы выяснить происхождение того или иного топонима.

По названию населенных мест (деревень, хуторов), как известно, нередко даются и фамилии. Это встречается довольно часто на исконно русских землях, а на латышских почти сплошь. Поэтому материалы фамилий представляют большой интерес и для изучения топонимики края. В качестве примера можно назвать топонимы и фамилии с суффиксом **-ан-** (например, **Лазданы, Гришканы**), известные уже в XIII в., как на это указывает Блессе².

В топонимах отражаются не только общеязыковые взаимоотношения, но и диалектные, указывающие на более узкую сферу общения и на территориальное происхождение топонимов (например, микротопонимы — улицы **Мурничная, Важенная, Криничная** и топонимы **Шалгуново, Лемешево, Лядина**).

Русские топонимы в иноязычных условиях существуют активно: они 1) устойчиво сохраняются без изменения (например, **Вышки**), о чем находим письменные свидетельства,

2) сказывают влияние на местную топонимику так, что латышские топонимы приобретают русское словообразование, славянскую модель: суффикс **-о(е)вк-** (например, **Брежевка, Меднявка**), суффикс **-ищ-** (например, **Пакалнице**),

3) сами претерпевают некоторые изменения, приобретают иноязычные словообразовательные элементы:

суффикс **-иеш-** (например, **Остравиешы**), образуют гибридные формы (**Яунполе, Мазгорбуны**), в которых наблюдаются случаи частичного перевода.

При этом иногда образуются межъязыковые словообразовательные омофоны, а при иноязычном написании русских названий и омонимы. Это можно отметить в топонимах на **-ово**

² E. Blese. Latvijas personu vārdu un uzvārdu studijas. R., 1929.

(безударное **-ава**, **-ова**, с притяжательным значением) и **-ава** (с топонимическим значением), например: **Иваново, Борково, Абеява, Меднява**. Как видим, происхождение различно, но употребление и значение совпадает. Образуются и другие местные омонимы с общим значением, но различные по своему происхождению. Это общерусские и латышские диалектные, исконные или заимствованные, образования на:

- аны (например, **Рунданы, Горланы**),
- ники (например, **Тележники, Липиники**),
- (н)ица** (например, **Сосница, Акменица**).

Наличие таких межъязыковых словообразовательных омонимов позволяет провести межъязыковые изоглоссы и установить ареалы распространения тех или иных топонимических словообразовательных типов, например: топонимы на **-аны** на славянских, балтийских и др. территориях,

4) на латышской территории образуются и новые русские названия на основе общенародной или диалектной. Чаще всего это различные микротопонимы более позднего происхождения. В качестве примеров можно привести старые русские названия рижских улиц, которые появились в первой четверти XIX в., с русским словообразованием и латышской основой (например, **Калечная, Акменная, Астеровая, Гривенская, Рингенская**), с русской основой и русским словообразованием по необычным для русского языка моделям (например, **Пензаская, Эммаская, Алисовая, Флаговая, Ольгиевская, Подмастерская**).

Большое количество русских и смешанных топонимов на одной территории указывает на массовость русских переселений и на устойчивость топонимов.

Все указанные языковые процессы объясняются, во-первых, тесными связями с соседними исконно русскими землями и представителями местного населения между собой, во-вторых, общими природными и экономическими условиями жизни на данной территории, общей администрацией, смешанными браками, религией (католичество у латышей Латгалии и белорусов) и дружественными соседскими отношениями народов, в-третьих, близким языковым родством русских и латышей не только как языков индоевропейских, но и как славянских и балтийских, контакты между которыми восходят к доисторическому периоду и продолжают в различных формах в зависимости от исторических условий вплоть до наших дней. При этом необходимо отметить, что такие языковые контакты часто приводят, как об этом свидетельствуют данные русских и латышских соседних говоров в Латгалии, к двуязычию и даже в некоторых случаях к ассимиляции.

При взаимных контактах населения развивается длительное двуязычие, которое может носить различный характер. Это может быть двустороннее или одностороннее контактное двуязычие, когда наблюдается взаимовлияние, ведущее к интерференции, т. е. к взаимопроникновению языковых систем при языковом контакте. Язык принимает структурные элементы чужой системы, если они соответствуют его собственным тенденциям развития. Отражение этого процесса мы находим и в местной топонимике, главным образом в ее словообразовании, что ведет к морфологической адаптации тех или иных элементов другим языком.

Итак, мы видим, что топонимические названия — это живая, активная и устойчивая часть языка, тесно связанная с историей и жизнью ее носителей. Топонимы взаимодействуют между собой на одной разноязычной территории, особенно при языковом родстве, и сохраняются длительное время, иногда даже дольше, чем на исконных землях, где процесс смены названий может быть более интенсивным, а язык более изменяющимся.

СОДЕРЖАНИЕ

1. З. А. Толмачева, Э. Р. Фрей. К вопросу об аналитических конструкциях и их реализации в современном русском языке 3
2. Г. И. Румянцева, Г. Н. Пантыкина. К вопросу о переходности русского глагола 13
3. З. А. Толмачева. Об анализе структуры наречий в современном русском языке 18
4. Л. И. Таубенберг. Заметки об управлении некоторых глаголов в памятниках XVII века 27
5. И. Элсберг. Значение и употребление постпозитивного указательного местоимения **тъ (тотъ)** в русском языке XII—XVII вв. 33
6. Н. А. Донец, Л. И. Таубенберг. Грамматические архаизмы внутри фразеологических единиц современного русского языка 48
7. Н. А. Донец. Элементы цветописи у М. Горького (на материале рассказов «По Руси» и «Сказок об Италии») 57
8. Н. П. Раздорова. Некоторые приемы восстановления стилистической действительности слова К. Г. Паустовским 79
9. Т. В. Король. Роль контекста в раскрытии значения окказионального слова (на материале языка Э. Штриттматтера) 91
10. М. Ф. Семенова. Русские топонимы в латышском окружении 99

422903

0.50

[Handwritten signature]

16 коп.

44/5485

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509023327